

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII
ВЕКА

ИСТОРИЯ
ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЕФО СВИФТ СМОЛЛЕТ
РИЧАРДСОН
ШЕРИДАН ФИЛДИНГ ГОЛДСМИТ
БЕРНС
ГРЕЙСТЕРН
ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ЛЕСАЖ
МОНТЕСКЬЕ
ПРЕВО
ВОЛЬТЕР ДИДРО
БОМАРШЕ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ЛАКЛОВ
ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
БЕККАРИА ГОЦЦИ
ВИКО
ГОЛЬДОНИ
АЛЬФЬЕРО
АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ФРАНКЛИН
ДЖЕФФЕРСОН
ФРЕНО
НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА
КЛОПШТОК
ЛЕССИНГ
ВИЛЬГЕЛЬМ
ЛЕНГ
БЮРГЕР
ШИЛЛЕР
ГЁТЕ
КАНТ

ХРЕСТОМАТИЯ

Коллектив авторов

**Зарубежная литература
XVIII века. Хрестоматия**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2015

УДК 82(1-8)
ББК 84(0)5-я7

Коллектив авторов

Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия / Коллектив авторов — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2015

ISBN 978-5-288-05639-0

Настоящее издание представляет собой первую часть практикума, подготовленного в рамках учебно-методического комплекса «Зарубежная литература XVIII века», разработанного сотрудниками кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета, специалистами в области национальных литератур. В издание вошли отрывки переводов из произведений ведущих английских, французских, американских, итальянских и немецких авторов эпохи Просвещения, позволяющие показать специфику литературного процесса XVIII века. Представленные тексты снабжены комментариями и методическими указаниями, позволяющими использовать пособие и при самостоятельной подготовке. Для студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлению «Филология» и «Лингвистика».

УДК 82(1-8)
ББК 84(0)5-я7

ISBN 978-5-288-05639-0

© Коллектив авторов, 2015
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2015

Содержание

I. Английская литература	6
Даниель Дефо (ок. 1660–1731)	6
Удивительные приключения Робинзона Крузо,	6
Джонатан Свифт (1667–1745)	13
Путешествия в некоторые отдаленные страны света	13
Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана	
нескольких кораблей	
Часть первая: Путешествие в Лиллипутию	13
Часть вторая: Путешествие в Бробдингнейг	14
Часть третья: Путешествие в Лапуту, Бальнибарби,	18
Лаггнетт, Глаббоддрий и Японию	
Часть четвертая: Путешествие в страну Гуигнгнмов	22
Сэмюэл Ричардсон (1689–1761)	26
Кларисса, или история молодой леди,	26
Предисловие	26
Том IV	28
Генри Филдинг (1707–1754)	40
История Тома Джонса, найденыша	40
Книга первая, которая содержит о рождении	40
найденныша столько сведений, сколько необходимо	
для первоначального знакомства с ним читателя	
Книга вторая, заключающая в себе сцены	44
супружеского счастья в разные периоды жизни, а	
также другие происшествия в продолжение первых	
двух лет после женитьбы капитана Блайфила на мисс	
Бриджет Олверти	
Книга третья, заключающая в себе	47
достопамятнейшие события, происшедшие в	
семействе мистера Олверти с момента, когда	
Томми Джонсу исполнилось четырнадцать лет, и до	
достижения им девятнадцатилетнего возраста. Из	
этой книги читатель может выудить кое-какие мысли	
относительно воспитания детей	
Книга четвертая, охватывающая год времени	50
Книга седьмая, охватывающая три дня	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Зарубежная литература XVIII века. Хрестоматия

© С. -Петербургский государственный университет, 2015

* * *

I. Английская литература

Даниель Дефо (ок. 1660–1731)

Предтекстовое задание:

Прочитайте нижеприведенные отрывки из романа Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» (1719) и на основе прочитанного опишите характер героя, отметив его основные черты.

**Удивительные приключения Робинзона Крузо,
моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в
полном одиночестве на необитаемом острове у берегов
Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был
выброшен кораблекрушением, во время которого весь
экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его
неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим**
Перевод под ред. А. А. Франковского

Мое положение представилось мне в самом мрачном свете. Меня забросило бурей на необитаемый остров, который лежал далеко от места назначения нашего корабля и за несколько сот миль от обычных торговых морских путей, и я имел все основания прийти к заключению, что так было предопределено небом, чтобы здесь, в этом печальном месте, в безвыходной тоске одиночества я и окончил свои дни. Обильные слезы струились у меня из глаз, когда я думал об этом, и не раз недоумевал я, почему провидение губит свои же творения, бросает их на произвол судьбы, оставляет без всякой поддержки и делает столь безнадежно несчастными, повергает в такое отчаяние, что едва ли можно быть признательным за такую жизнь.

Но всякий раз внутренний голос быстро останавливал во мне эти мысли и укорял за них. Особенно помню я один такой день. В глубокой задумчивости бродил я с ружьем по берегу моря. Я думал о своей горькой доле. И вдруг заговорил во мне голос разума. «Да, – сказал этот голос, – положение твое незавидно: ты одинок – это правда. Но вспомни: где те, что были с тобой? Ведь вас село в лодку одиннадцать человек: где же остальные десять? Почему они погибли? За что тебе такое предпочтение? И как ты думаешь, кому лучше: тебе или им?» И я взглянул на море. Так во всяком зле можно найти добро, стоит только подумать, что могло случиться и хуже.

Тут я ясно представил себе, как хорошо я обеспечил себя всем необходимым и что было бы со мной, если бы случилось (а из ста раз это случается девяносто девять)... если бы случилось, что наш корабль остался на той отмели, куда его прибило сначала, если бы потом его не пригнало настолько близко к берегу, что я успел захватить все нужные мне вещи. Что было бы со мной, если бы мне пришлось жить на этом острове в тех условиях, в каких я провел на нем первую ночь, – без крова, без пищи и без всяких средств добыть то и другое? В особенности, – громко рассуждал я сам с собой, – что стал бы я делать без ружья и без зарядов, без инструментов? Как бы я жил здесь один, если бы у меня не было ни постели, ни клочка одежды, ни палатки, где бы можно было укрыться? Теперь же все это было у меня и всего вдоволь, и я даже не боялся смотреть в глаза будущему: я знал, что к тому времени, когда выйдут мои заряды и

порох, у меня будет в руках другое средство добывать себе пищу. Я проживу без ружья сносно до самой смерти.

В самом деле, с самых же первых дней моего житья на острове я задумал обеспечить себя всем необходимым на то время, когда у меня не только истощится весь мой запас пороху и зарядов, но и начнут мне изменять здоровье и силы.

<...>

Между тем я принялся серьезно и обстоятельно обсуждать свое положение и начал записывать свои мысли – не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которые окажутся в моем положении (ибо таких людей едва ли нашлось бы много), а просто, чтобы высказать словами все, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начал мало-помалу брать верх над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и хуже, и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я, словно кредитор и должник, записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом все, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО

Я заброшен судьбой на мрачный,
необитаемый остров и не имею
никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от все-
го мира и обречен на горе.

Я отдален от всего человечества; я
отшельник, изгнанный из общест-
ва людей.

У меня мало одежды, и скоро мне
будет нечем прикрыть свое тело.

Я беззащитен против нападения
людей и зверей.

Мне не с кем перемолвиться сло-
вом и некому утешить меня.

ДОБРО

Но я жив, я не утонул подобно всем
моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего
экипажа: смерть пощадила одного
меня, и тот, кто столь чудесным об-
разом спас меня от смерти, может
спасти меня и от моего безотрадно-
го положения.

Но я не умер с голоду и не погиб
в этом пустынном месте, где чело-
веку нечем питаться.

Но я живу в жарком климате, где
можно обойтись и без одежды.

Но остров, куда я попал, безлюден,
и я не видел на нем ни одного хищ-
ного зверя, как на берегах Африки.
Что было бы со мной, если б меня
выбросило на африканский берег?

Но бог чудесно пригнал наш ко-
рабль так близко к берегу, что я не
только успел запастись всем необ-
ходимым для удовлетворения моих
текущих потребностей, но и полу-
чил возможность добывать себе
пропитание до конца моих дней.

Запись эта с очевидностью показывает, что едва ли кто на свете попадал в более бед-
ственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положи-
тельные стороны, за которые следовало быть благодарным – горький опыт человека, изведав-
шего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдется какое-нибудь утешение,
которое в счете наших бед и благ следует записать на приход.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поми-
нотно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил
с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы по возможности облег-
чить свое существование.

<...>

А сколько разнообразных дел мне пришлось переделать; пока мой хлеб рос и созревал,
надо было обнести поле оградой, караулить его, потом жать, убирать, молотить (т. е. перетирать
в руках колосья, чтобы отделить зерно от мякины). Потом мне нужны были: мельница, чтобы

смолоть зерно, сита, чтобы просеять муку, соль и дрожжи, чтобы замесить тесто, печь, чтобы выпечь хлеб. И, однако, как увидит читатель, я обошелся без всех этих вещей. Иметь хлеб было для меня неоцененной наградой и наслаждением. Все это требовало от меня тяжелого и упорного труда, но иного выхода не было. Время мое было распределено, и я занимался этой работой несколько часов ежедневно. А так как я решил не расходовать зерна до тех пор, пока его не накопится побольше, то у меня было впереди шесть месяцев, которые я мог всецело посвятить изобретению и изготовлению орудий, необходимых для переработки зерна в хлеб. Но сначала надо было приготовить под посев более обширный участок земли, так как теперь у меня было столько семян, что я мог засеять больше акра¹. Еще прежде я сделал лопату, что отняло у меня целую неделю. Новая лопата доставила мне одно огорчение: она была тяжела, и ею было вдвое труднее работать. Как бы то ни было, я вскопал свое поле и засеял два больших и ровных участка земли, которые я выбрал как можно ближе к моему дому и обнес частоколом из того дерева, которое так легко принималось. Таким образом, через год мой частокол должен был превратиться в живую изгородь, почти не требующую исправления. Все вместе – распашка земли и сооружение изгороди – заняло у меня не менее трех месяцев, так как большая часть работы пришлось на дождливую пору, когда я не мог выходить из дому.

В те дни, когда шел дождь и мне приходилось сидеть в пещере, я делал другую необходимую работу, стараясь между делом развлекаться разговорами со своим попугаем. Скоро он уже знал свое имя, а потом научился довольно громко произносить его. «Попка» было первое слово, какое я услышал на моем острове, так сказать, из чужих уст. Но разговоры с Попкой, как уже сказано, были для меня не работой, а только развлечением в труде. В то время я был занят очень важным делом. Давно уже я старался тем или иным способом изготовить себе глиняную посуду, в которой я сильно нуждался; но совершенно не знал, как осуществить это. Я не сомневался, что сумею вылепить что-нибудь вроде горшка, если только мне удастся найти хорошую глину. Что же касается обжигания, то я считал, что в жарком климате для этого достаточно солнечного тепла и что, посохнув на солнце, посуда будет настолько крепка, что можно будет брать ее в руки и хранить в ней все припасы, я которые надо держать в сухом виде. И вот я решил вылепить несколько штук кувшинов, возможно большего размера, чтобы хранить в них зерно, муку и т. п.

<...>

В самом деле, я ушел от всякой мирской скверны; у меня не было ни плотских искушений, ни соблазна очей, ни гордости жизни. Мне нечего было желать, потому что я имел все, чем мог наслаждаться. Я был господином моего острова или, если хотите, мог считать себя королем или императором всей страны, которой я владел. У меня не было соперников, не было конкурентов, никто не оспаривал моей власти, я ни с кем ее не делил. Я мог бы нагрузить целые корабли, но мне это было не нужно, и я сеял ровно столько, чтобы хватило для меня. У меня было множество черепашек, но я довольствовался тем, что изредка убивал по одной. У меня было столько лесу, что я мог построить целый флот, и столько винограду, что все корабли моего флота можно было бы нагрузить вином и изюмом.

Я придавал цену лишь тому, чем мог как-нибудь воспользоваться. Я был сыт, потребности мои удовлетворялись, – для чего же мне было все остальное? Если б я настрелял больше дичи или посеял больше хлеба, чем был бы в состоянии съесть, мой хлеб заплесневел бы в амбаре, а дичь пришлось бы выкинуть или она стала бы добычей червей. Срубленные мною деревья гнили; я мог употреблять их только на топливо, а топливо мне было нужно только для приготовления пищи.

Одним словом, природа, опыт и размышление научили меня понимать, что мирские блага ценны для нас лишь в той степени, в какой они способны удовлетворять наши потребно-

¹ Акр – единица площади, равная 4047 м².

сти, и что сколько бы мы ни накопили богатств, мы получаем от них удовольствие лишь в той мере, в какой можем использовать их, но не больше. Самый неисправимый скряга вылечился бы от своего порока, если бы очутился на моем месте и не знал, как я, куда девать свое добро. Повторяю: мне было нечего желать, если не считать некоторых вещей, которых у меня не было, все разных мелочей, однако очень нужных для меня. Как я уже сказал, у меня было немного денег, серебра и золота – всего около тридцати шести фунтов стерлингов. Увы, они лежали, как жалкий, ни на что негодный хлам: мне было некуда их тратить. С радостью отдал бы я пригоршню этого металла за десяток трубок для табаку или ручную мельницу, чтобы размалывать свое зерно! Да что я! – я отдал бы все эти деньги за шестипенсовую пачку семян репы и моркови, за горсточку гороху и бобов или за бутылку чернил. Эти деньги не давали мне ни выгод, ни удовольствия. Так и лежали они у меня в шкафу и в дождливую погоду плесневели от сырости моей пещеры. И будь у меня полон шкаф брильянтов, они точно так же не имели бы для меня никакой цены, потому что были бы совершенно не нужны мне.

Мне жилось теперь гораздо лучше, чем раньше, и в физическом, и в нравственном отношении. Садясь за еду, я часто исполнялся глубокой признательности к щедротам провидения, уготовившего мне трапезу в пустыне. Я научился смотреть больше на светлые, чем на темные стороны моего положения, и помнить больше о том, что у меня есть, чем о том, чего я лишен. И это доставляло мне минуты невыразимой внутренней радости. Я говорю об этом для тех несчастных людей, которые никогда ничем не довольны, которые не могут спокойно наслаждаться дарованными им благами, потому что им всегда хочется чего-нибудь такого, чего у них нет. Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают, мне кажется, от недостатка благодарности за то, что мы имеем.

Целыми часами, – целыми днями, можно оказать, – я в самых ярких красках представлял себе, что бы я делал, если бы мне ничего не удалось спасти с корабля. Моей единственной пищей были бы рыбы и черепахи. А так как прошло много времени, прежде чем я нашел черепах, то я просто умер бы с голоду. А если бы не погиб, то жил бы, как дикарь. Ибо допустим, что мне удалось бы когда-нибудь убить козу или птицу, я все же не мог бы содрать с нее шкуру, разрезать и выпотрошить ее. Я бы принужден был кусать ее зубами и разрывать ногтями, как дикий зверь.

После таких размышлений я живее чувствовал благодать ко мне провидения и от всего сердца благодарил бога за свое настоящее положение со всеми его лишениями и невзгодами. Пусть примут это к сведению все те, кто в горькие минуты жизни любит говорить: «Может ли чье-нибудь горе сравниться с моим». Пусть они подумают, как много на земле людей несравненно несчастнее их и во сколько раз их собственное несчастье могло бы быть ужаснее, если бы то было угодно провидению.

Словом, если, с одной стороны, моя жизнь была безотраднa, то, с другой, я должен был быть благодарен уже за то, что живу; а чтобы сделать эту жизнь вполне счастливой, мне надо было только постоянно помнить, как добр и милостив Господь, пекущийся обо мне. И когда я беспристрастно взвесил все это, я успокоился и перестал грустить.

Вопросы и задания:

1. Как проявляется в этом отрывке просветительский оптимизм Дефо?
2. Считает ли герой добро и зло абсолютными категориями или ему присущ этический релятивизм? Каким образом рационалистическое мышление Робинзона помогает ему справиться с исключительной ситуацией, в которой он оказался?
3. Можно ли назвать образ жизни Робинзона на острове аскетическим?
4. Почему Дефо столь подробно описывает будни Робинзона на острове?
5. Каким образом созидательный труд оказывал влияние на внутреннее состояние Робинзона?

* * *

Предтекстовое задание:

Прочитайте фрагмент романа, описывающий разговор Робинзона и Пятницы о религии, обращая внимание на аргументацию, к которой прибегают собеседники.

В течение моей долгой совместной жизни с Пятницей, когда он научился обращаться ко мне и понимать меня, я не упускал случаев насаждать в его душе основы религии. Как-то раз я его спросил: «Кто тебя сделал?» Бедняга не понял меня: он подумал, что я спрашиваю, кто его отец. Тогда я взялся за него с другого конца: я спросил его, кто сделал море и землю, по которой мы ходим, кто сделал горы и леса. Он отвечал: «Старик по имени *Бенамуки*, который живет высоко-высоко». Он ничего не мог сказать мне об этой важной особе, кроме того, что он очень стар, гораздо старше моря и земли, старше луны и звезд. Когда же я спросил его, почему все существующее не поклоняется этому старику, если он создал все, лицо Пятницы приняло серьезное выражение, и он простодушно ответил: «Все на свете говорит ему: *О*». Затем я спросил его, что делается с людьми его племени, когда они уходят отсюда. Он сказал: «Все они идут к *Бенамуки*». «И те, кого они съедают, – продолжал я, – тоже идут к *Бенамуки*?» «Да», – отвечал он.

Так начал я учить его познавать истинного бога. Я сказал ему, что великий творец всего сущего живет на небесах (тут я показал рукой на небо) и правит миром... тем же провидением, каким он создал его, что он всемогущ, может сделать с нами все, что захочет, все дать и все отнять. Так постепенно я открывал ему глаза. Он слушал с величайшим вниманием. С радостным умилением принял он мой рассказ об Иисусе Христе, посланном на землю для искупления наших грехов, о наших молитвах богу, который всегда слышит нас, хоть он и на небесах. Один раз он сказал мне: «Если ваш бог живет выше солнца и все-таки слышит вас, значит он больше *Бенамуки*, который не так далеко от нас и все-таки слышит нас только с высоких гор, когда мы поднимаемся, чтобы разговаривать с ним». «А ты сам ходил когда-нибудь на те горы беседовать с ним?» спросил я. «Нет, – отвечал он, – молодые никогда не ходят, только старики, которых мы называем *Увокеки* (насколько я мог понять из его объяснений, их племя называет так свое духовенство или жрецов). *Увокеки* ходят туда и говорят там: «*О!*» (на его языке это означало: молятся), а потом приходят домой и возвещают всем, что им говорил *Бенамуки*». Из всего этого я заключил, что обман практикуется духовенством даже среди самых невежественных язычников и что искусство облекать религию тайной, чтобы обеспечить почтение народа к духовенству, изобретено не только в Риме, но, вероятно, всеми религиями на свете.

Я всячески старался объяснить Пятнице этот обман и сказал ему, что уверения их стариков, будто они ходят на горы говорить «*О*» богу *Бенамуки* и будто он возвещает им там свою волю, – пустые враки, и что если они и беседуют с кем-нибудь на горе, так разве со злым духом. Тут я подробно распространился о дьяволе, о его происхождении, о его восстании против бога, о его ненависти к людям и причинах ее; рассказал, как он выдает себя за бога среди народов, не просвещенных словом божьим, и заставляет их поклоняться ему; к каким он прибегает уловкам, чтобы погубить человеческий род, как он тайком проникает в нашу душу, потакая нашим страстям, как он умеет ставить нам западни, приспособляясь к нашим склонностям и заставляя таким образом человека быть собственным своим искушителем и добровольно идти на погибель. <...>

Беседы с Пятницей до такой степени наполняли все мои свободные часы, и так тесна была наша дружба, что я не заметил, как пролетели последние три года моего искуса, которые мы прожили вместе. Я был вполне счастлив, если только в подлунном мире возможно полное счастье. Дикарь стал добрым христианином – гораздо лучшим, чем я; надеюсь, впрочем, и

благодарю за это создателя, что, если я был и грешнее этого дитяти природы, однако мы оба одинаково были в покаянном настроении и уповали на милосердие божие. Мы могли читать здесь слово божие, и, внимая ему, мы были так же близки богу, как если бы жили в Англии.

Что касается разных тонкостей в истолковании того или другого библейского текста, тех богословских комментариев, из-за которых возгорелось столько опоров и вражды, то нас они не занимали. Так же мало интересовались мы вопросами церковного управления и тем, какая церковь лучше. Все эти частности нас не касались, да и кому они нужны? Я, право, не вижу, какая польза была бы нам от того, что мы изучили бы все спорные пункты нашей религии, породившие на земле столько смуты, и могли бы высказать свое мнение по каждому из них. Слово божие было нашим руководителем на пути к спасению, а может ли быть у человека более надежный руководитель?

Вопросы и задания:

1. В данном отрывке Робинзон Крузо вступает в качестве христианского миссионера. На чем основывается критика, которой Робинзон подвергает языческую религию Пятницы?
2. Насколько тверды христианские убеждения Робинзона?
3. С какой целью Дефо заставляет Робинзона беседовать о религии с дикарем? Для чего автору понадобилось проводить сопоставление языческой и христианской религии?
4. Каким образом Дефо подводит читателя к сомнению во всемогуществе Бога? Какова природа религиозного скептицизма Дефо?

Джонатан Свифт (1667–1745)

Предтекстовое задание:

Ознакомьтесь с предложенными ниже фрагментами романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» (1721–1725) и прокомментируйте сатирическую направленность каждого из них.

Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей *Перевод под ред. А. А. Франковского*

Часть первая: Путешествие в Лиллипутию

Глава IV

«...» Однажды утром, спустя две недели после моего освобождения, ко мне приехал, в сопровождении только одного лакея, Рельдресель, главный секретарь (как его титулуют здесь) по тайным делам. Приказав кучеру ожидать в сторонке, он попросил меня уделить ему один час и выслушать его. Я охотно согласился на это, потому что мне были известны как его личные высокие качества, так и услуги, оказанные им мне при дворе. Я хотел лечь на землю, чтобы его слова могли легче достигать моего уха, но он предпочел находиться во время нашего разговора у меня на руке. Прежде всего он поздравил меня с освобождением, заметив, что в этом деле и ему принадлежит некоторая заслуга; хотя, надо сказать правду, – добавил он, – вы получили так скоро свободу только благодаря настоящему положению наших государственных дел. Каким бы блестящим ни казалось иностранцу это положение, сказал секретарь, однако наш государственный организм разъедают две страшные язвы: внутренние раздоры партий и угроза нашествия внешнего могущественного врага. Что касается первого зла, то надо вам сказать, что около семидесяти лун тому назад в империи образовались две враждующие партии, известные под названием Тремексенов и Слемексенов, от высоких и низких каблуков на башмаках, при помощи которых они отличаются друг от друга. Хотя многие доказывают, будто высокие каблуки всего более согласуются с нашими древними государственными установлениями, но, как бы там ни было, его величество находит, что вся администрация, а равно и все должности, раздаваемые короной, должны находиться только в руках низких каблуков, на что вы, наверное, обратили внимание. Вы, должно быть, заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один дрерр ниже, чем у всех придворных (дрерр равняется четырнадцатой части дюйма²). Ненависть между этими двумя партиями доходит до того, что члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что Тремексены, или высокие каблуки, превосходят нас числом, но власть всецело принадлежит нам. С другой стороны, у нас есть основания опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, имеет некоторое расположение к высоким каблукам; по крайней мере, нетрудно заметить, что один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая. И вот, среди этих внутренних несогласий, в настоящее время нам грозит нашествие со стороны соседнего острова Блефуску – другой великой империи во вселенной, почти такой же

² Дюйм равен 2,5 сантиметрам.

обширной и могущественной, как империя его величества. И хотя вы утверждаете, что на свете существуют другие королевства и государства, населенные такими же громадными людьми, как вы, однако наши философы сильно сомневаются в этом: они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды, так как несомненно, что сто смертных вашего роста в самое короткое время могли бы истребить все плоды и весь скот обширных владений его величества. С другой стороны, наши летописи за шесть тысяч лун не упоминают ни о каких других государствах, кроме двух великих империй – Лиллипутии и Блефуску.

Итак, эти две могущественные державы ведут между собой ожесточеннейшую войну в продолжение тридцати шести лун. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Все держатся того мнения, что вареное яйцо, при употреблении его в пищу, следует разбивать с тупого конца, и этот способ практикуется испокон веков; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным способом. Тогда император, отец ребенка, обнародовал указ, предписывавший всем его подданным под страхом строгого наказания разбивать яйца с острого конца. Этот закон до такой степени раздражил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а другой – корону. Описываемые гражданские смуты постоянно разжигались монархами Блефуску. При подавлении восстания изгнанные вожди всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы только подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни томов, трактующих об этом вопросе, но книги, поддерживающие теорию тупого конца, давно запрещены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности. В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняя нас в церковном расколе путем нарушения основного догмата нашего великого пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем мы видим здесь только различное толкование одного и того же текста, подлинные слова которого гласят: *Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее.*

Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному суждению, должно быть предоставлено совести каждого или, по крайней мере, решению верховного судьи империи. Изгнанные Тупоконечники возымели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей империи, что в течение тридцати шести лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. В течение этого периода мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами лучших наших моряков и солдат; полагают, что потери неприятеля еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый многочисленный флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей силе и храбрости, повелел мне сделать вам настоящее изложение наших государственных дел.

Часть вторая: Путешествие в Бробдингнэг

Глава VI

«...» Король, который, как я уже заметил, был монарх весьма тонкого ума, часто приказывал приносить меня в ящике к нему в кабинет и ставить на письменный стол. Затем он предлагал мне взять из ящика стул и сажал меня на расстоянии трех ярдов от себя на комод, почти на уровне своего лица. В таком положении мне часто случалось беседовать с ним. Однажды я осмелился заметить его величеству, что презрение, выражаемое им к Европе и всему осталь-

ному миру, не согласуется с высокими качествами его благородного ума; что умственные способности не возрастают пропорционально размерам тела, а, напротив, в нашей стране наблюдается, что самые высокие люди обыкновенно в наименьшей степени наделены ими; что среди животных пчелы и муравьи пользуются репутацией более изобретательных, искусных и смысленных, чем многие крупные породы, и что каким бы ничтожным я ни казался в глазах короля, все же я надеюсь, что рано или поздно мне представится случай оказать его величеству какую-нибудь важную услугу. Король слушал меня внимательно и после этих бесед стал гораздо лучшего мнения обо мне, чем прежде. Он просил меня сообщить ему возможно более точные сведения об английском правительстве, ибо, как бы ни были государи привязаны к обычаям своей страны (такое заключение о других монархах он сделал на основании прежних бесед со мной), во всяком случае, он был бы рад услышать что-нибудь, что заслуживало бы подражания.

Сам вообрази, любезный читатель, как страстно желал я обладать тогда красноречием Демосфена или Цицерона³, которое дало бы мне возможность прославить дорогое мне отечество в стиле, равняющемся его достоинствам и его величию. Я начал свою речь с сообщения его величеству, что наше государство состоит из двух островов, образующих три могущественных королевства под властью одного монарха⁴; к ним нужно еще прибавить наши колонии в Америке. Я долго распространялся о плодородии нашей почвы и умеренности нашего климата.

Потом я подробно рассказал об устройстве нашего парламента, в состав которого входит славный корпус, называемый палатой пэров⁵, лиц самого знатного происхождения, владеющих древнейшими и обширнейшими вотчинами. Я описал ту необыкновенную заботливость, с какой всегда относились к их воспитанию в искусствах и военном деле, чтобы подготовить их к положению советников короля и королевства, способных принимать участие в законодательстве; быть членами верховного суда, решения которого не подлежат обжалованию; благодаря своей храбрости, отменному поведению и преданности всегда готовых первыми выступить на защиту своего монарха и отечества. Я сказал, что эти люди являются украшением и оплотом королевства, достойными наследниками своих знаменитых предков, почести которых были наградой за их доблесть, неизменно наследуемую потомками до настоящего времени; что в состав этого высокого собрания входит некоторое количество духовных особ, носящих сан епископов, специальной обязанностью которых являются забота о религии и наблюдение за теми, кто научает ее истинам народ; что эти духовные особы отыскиваются и избираются королем и его мудрейшими советниками из среды духовенства всей нации как наиболее отличившиеся святостью своей жизни и глубиной своей учености; что они действительно являются духовными отцами духовенства и своего народа.

Другую часть парламента, – продолжал я, – образует собрание, называемое палатой общин, членами которой бывают знатнейшие дворяне, свободно избираемые из числа этого сословия самим народом, за их великие способности и любовь к своей стране, представлять мудрость всей нации. Таким образом, обе эти палаты являются самым величественным собранием в Европе, коему вместе с королем поручено все законодательство.

Затем я перешел к описанию судебных палат, руководимых судьями, этими почтенными мудрецами и толкователями законов, для разрешения тяжб, наказания порока и ограждения невинности. Я упомянул о бережливом управлении нашими финансами и о храбрых подвигах

³ «...красноречием Демосфена или Цицерона...». Демосфен (около 384–322 гг. до н. э.) – древнегреческий оратор, прославившийся политическими речами, направленными против Филиппа Македонского («филиппиками»). Цицерон (106–43 до н. э.) – древнеримский мастер политического и судебного красноречия.

⁴ «...наше государство состоит из двух островов, образующих три могущественных королевства под властью одного монарха...». На момент создания романа Англия с присоединенным к ней ранее княжеством Уэльс и Шотландия были объединены в Соединенное Королевство Великобритании (1707). Его монархи также являлись королями Ирландии со времен английского короля Генриха II, хотя колонизация Изумрудного острова Англией завершилась только в XVI в.

⁵ Палата пэров – палата лордов, высшая палата британского парламента.

нашей армии как на суше, так и на море. Я назвал число нашего населения, подсчитав, сколько миллионов может быть у нас в каждой религиозной секте и в каждой политической партии. Я не умолчал также об играх и увеселениях англичан и вообще ни о какой подробности, если она могла, по моему мнению, служить к возвеличению моего отечества. И я закончил все кратким историческим обзором событий в Англии за последние сто лет.

Этот разговор продолжался в течение пяти аудиенций, из которых каждая заняла несколько часов. Король слушал меня очень внимательно, часто записывая то, что я говорил, и те вопросы, которые он собирался задать мне. Когда я окончил свое длинное повествование, его величество в шестой аудиенции, справясь со своими заметками, высказал целый ряд сомнений, недоумений и возражений по поводу каждого из моих утверждений. Он спросил, какие методы применяются для телесного и духовного развития знатного юношества и в какого рода занятиях проводит оно обыкновенно первую и наиболее переимчивую часть своей жизни. Какой порядок пополнения этого собрания в случае угасания какого-нибудь знатного рода? Какие качества требуются от тех, кто вновь возводится в звание лорда: не случается ли иногда, что эти назначения бывают обусловлены прихотью монарха, деньгами, предложенными придворной даме или первому министру, или желанием усилить партию, противную общественным интересам? Насколько основательно эти лорды знают законы своей страны и позволяет ли им это знание решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан? Действительно ли эти лорды всегда так чужды корыстолюбия, партийности и других недостатков, что на них не может подействовать подкуп, лесть и тому подобное? Действительно ли духовные лорды, о которых я говорил, возводятся в этот сан только благодаря их глубокому знанию религиозных доктрин и благодаря их святой жизни? Неужели во времена, когда они являлись простыми священниками, они не были подвержены никаким слабостям? Неужели нет среди них растленных капелланов какого-нибудь вельможи, мнениям которого они продолжают ролебно следовать и после того, как получили доступ в это собрание?

Затем король пожелал узнать, какая система практикуется при выборах тех депутатов, которых я назвал членами палаты общин: разве не случается, что чужой человек, с туго набитым кошельком, оказывает давление на избирателей, склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина в околотке? Почему эти люди так страстно стремятся попасть в упомянутое собрание, если пребывание в нем, по моим словам, сопряжено с большим беспокойством и издержками, приводящими часто к разорению семьи, и не оплачивается ни жалованьем, ни пенсией? Такая жертва требует от человека столько добродетели и гражданственности, что его величество выразил сомнение относительно искренности подобного служения обществу. И он желал узнать, нет ли у этих ревнителей каких-нибудь видов вознаградить себя за понесенные ими тягости и беспокойство путем пожертвования общественного блага намерениям слабого и порочного монарха вкупе с его развращенными министрами. Он задал мне еще множество вопросов и выпытывал все подробности, касающиеся этой темы, высказав целый ряд критических замечаний и возражений, повторять которые я считаю неудобным и неблагоприятным повторять здесь. По поводу моего описания наших судебных палат его величеству было угодно получить разъяснения относительно нескольких пунктов. И я мог наилучшим образом удовлетворить его желание, так как когда-то был почти разорен продолжительным процессом в верховном суде, несмотря на то, что процесс был мной выигран с присуждением мне судебных издержек. Король спросил, сколько нужно времени для судебного решения, и с какими расходами сопряжено ведение процесса? Могут ли адвокаты и стряпчие выступать в судах ходатаями по делам заведомо несправедливым, в явное нарушение чужого права? Оказывает ли какое-нибудь давление на чашу весов правосудия принадлежность к религиозным сектам и политическим партиям? Получили ли упомянутые мной адвокаты широкое юридическое образование, или же они знакомы только с местными, провинциальными и национальными обычаями? Принимают ли какое-нибудь участие эти адвокаты,

а равно и судьи, в составлении тех законов, толкование и комментирование которых представлено их усмотрению? Не случалось ли когда-нибудь, чтобы одни и те же лица защищали такое дело, против которого в другое время они возражали, ссылаясь на прецеденты для доказательства противоположных мнений? Богатую или бедную корпорацию составляют эти люди? Получают ли они за свои советы и ведение тяжбы денежное вознаграждение? В частности, допускаются ли они в качестве членов в нижнюю палату?

Затем король обратился к нашим финансам. Ему казалось, что мне изменила память, когда я называл цифры доходов и расходов, так как я определил первые в пять или шесть миллионов в год, между тем как расходы, по моим словам, превышают иногда означенную цифру больше чем вдвое. Заметки, сделанные королем по этому поводу, были особенно тщательны, потому что, по его словам, он надеялся извлечь для себя пользу из знакомства с ведением наших финансов и не мог ошибиться в своих выкладках. Но раз мои цифры были правильны, то король недоумевал, каким образом государство может расточать свое состояние, как частный человек. Он спрашивал, кто наши кредиторы и где мы находим деньги для платежа долгов. Он был поражен, слушая мои рассказы о столь обременительных и затяжных войнах, и вывел заключение, что мы – или народ сварливый, или же окружены дурными соседями и что наши генералы, наверное, богаче королей. Он спрашивал, что за дела могут быть у нас за пределами наших островов, кроме торговли, дипломатических сношений и защиты берегов с помощью нашего флота. Особенно поразило короля то обстоятельство, что нам, свободному народу, необходима наемная регулярная армия в мирное время.

Но если у нас существует самоуправление, осуществляемое выбранными нами депутатами, то – недоумевал король, – кого же нам бояться и с кем воевать? И он спросил меня: разве не лучше может быть защищен дом каждого из граждан его хозяином с детьми и домашними, чем полдюжиной случайно завербованных на улице за небольшое жалованье мошенников, которые могут получить в сто раз больше, перерезав горло охраняемым ими лицам?

Король много смеялся над моей странной арифметикой (как угодно было ему выразиться), по которой я определил численность нашего народонаселения, сложив количество последователей существующих у нас религиозных сект и политических партий. Он не понимал, почему тот, кто исповедует мнения, пагубные для общества, должен изменить их и не имеет права держать их при себе. И если требование перемены убеждений является правительственной тиранией, то дозволение открыто исповедовать мнения пагубные служит выражением слабости; в самом деле, можно не запрещать человеку держать яд в своем доме, но нельзя позволять ему продавать этот яд как лекарство.

Король обратил внимание, что в числе развлечений, которым предается наша знать и наше дворянство, я назвал азартные игры. Ему хотелось знать, в каком возрасте начинают играть и до каких лет практикуется это занятие; сколько времени отнимает оно; не приводит ли иногда увлечение им к потере состояния; не случается ли, кроме того, что порочные и низкие люди, изучив все тонкости этого искусства, игрой наживают большие богатства и держат подчас в зависимости от себя людей весьма знатных и что в то же время последние, находясь постоянно в презренной компании, отвлекаются от развития своих умственных способностей и бывают вынуждены благодаря своим проигрышам изучать все искусство ловкого мошенничества и применять его на практике.

Мой краткий исторический очерк Англии за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия.

В следующей аудиенции его величество взял на себя труд вкратце резюмировать все, о чем я говорил; он сравнивал свои вопросы с моими ответами; потом, взяв меня в руки и

тихо лаская, обратился ко мне со следующими словами, которых я никогда не забуду, как не забуду и самый тон, каким они были сказаны: «Мой маленький друг Грильдриг, вы произнесли удивительнейший панегирик вашему отечеству; вы ясно доказали, что невежество, леность и порок являются главными качествами, приличествующими законодателю; что законы лучше всего объясняются, истолковываются и применяются на практике теми, кто более всего заинтересован и способен извращать, запутывать и обходить их. В ваших учреждениях я усматриваю черты, которые в своей основе, может быть, и терпимы, но они наполовину истреблены, а в остальной своей части совершенно замараны и осквернены. Из сказанного вами не видно, чтобы для занятия у вас высокого общественного положения требовалось обладание какими-нибудь достоинствами; еще менее видно, чтобы люди жаловались высокими званиями на основании их добродетелей, чтобы духовенство получало повышение за свое благочестие или ученость, военные – за свою храбрость и благородное поведение, судьи – за свою неподкупность, сенаторы – за любовь к отечеству и государственные советники – за свою мудрость. Что касается вас самого (продолжал король), проведшего большую часть жизни в путешествиях, то я расположен думать, что до сих пор вам удалось избежать многих пороков вашей страны. Но резюме, сделанное мною на основании вашего рассказа, а также ответы, которых мне с таким трудом удалось добиться от вас, не могут не привести меня к заключению, что большинство ваших соотечественников есть выводок маленьких отвратительных пресмыкающихся, самых пагубных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности».

Часть третья: Путешествие в Лапуту, Бальнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и Японию

Глава V

Великая Академия занимает не одно отдельное здание, а два ряда заброшенных домов по обеим сторонам улицы, где был раньше пустырь, купленный и застроенный исключительно для Академии.

Ректор Академии оказал мне благосклонный прием и я посещал Академию ежедневно в течение довольно продолжительного времени. Каждая комната заключала в себе одного или нескольких прожектеров, и я полагаю, что таких комнат в Академии не менее пятисот.

Первый ученый, которого я посетил, был тощий человечек с закопченным лицом и руками, с длинными всклокоченными и местами опаленными волосами и бородой. Его платье, рубаша и кожа были такого же цвета. Восемь лет он разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов, добытые таким образом лучи он собирался заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета. Он не сомневался, что еще через восемь лет будет иметь возможность продавать солнечные лучи для губернаторских садов по умеренной цене; но он жаловался, что акции его стоят низко, и просил меня дать ему что-нибудь в поощрение его изобретательности, тем более что огурцы в то время года были очень дороги. Я предложил профессору несколько монет, которыми предусмотрительно снабдил меня мой хозяин, хорошо знавший привычку этих господ выпрашивать подачки у каждого, кто посещает их.

Войдя в другую комнату, я чуть было не выскочил из нее вон, потому что едва не задохся от ужасного зловония. Однако мой спутник удержал меня, шепотом сказав, что необходимо войти, иначе мы нанесем большую обиду; таким образом, я принужден был следовать за ним, не затыкая даже носа. Изобретатель, сидевший в этой комнате, был одним из старейших членов Академии. Лицо и борода его были бледно-желтые, а руки и платье все испачканы нечистотами. Когда я был ему представлен, он крепко обнял меня (любезность, без которой я отлично мог бы

обойтись). С самого своего вступления в Академию он занимался превращением человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались, путем отделения от них нескольких составных частей, удаления окраски, сообщаемой им желчью, выпаривания зловония и выделения слюны. Город еженедельно отпускал ученому посудину, наполненную человеческими нечистотами, величиной с бристольскую бочку⁶.

Там же я увидел другого ученого, занимавшегося пережиганием льда в порошок. Он показал мне написанное им исследование о ковкости пламени, которое он собирался опубликовать.

Там был также весьма изобретательный архитектор, разрабатывавший способ постройки домов, начиная с крыши и кончая фундаментом.

Он оправдывал мне этот способ ссылкой на приемы двух мудрых насекомых – пчелы и паука.

Там был, наконец, слепорожденный, под руководством которого занималось несколько таких же слепых учеников. Их занятия состояли в смешивании для живописцев красок, какие профессор учил их распознавать при помощи обоняния и осязания. Правда, на мое несчастье, во время моего посещения они не особенно удачно справлялись со своей задачей, да и сам профессор постоянно совершал ошибки. Ученый этот пользуется большим уважением своих коллег.

В другой комнате меня очень позабавил изобретатель, открывший способ пахать землю свиньями и избавиться таким образом от расходов на плуги, скот и рабочих. Способ этот заключается в следующем: на десятине земли вы закапываете на расстоянии шести дюймов и на глубине восьми известное количество желудей, фиников, каштанов и других плодов или овощей, до которых особенно лакомы свиньи; затем вы выгоняете на это поле штук шестьсот или больше свиней, и они в течение немногих дней, в поисках пищи, взроют всю землю, сделав ее пригодной для посева и в то же время удобрив ее своим навозом. Правда, произведенный опыт показал, что такая обработка земли требует больших хлопот и расходов, а урожай ничтожен. Однако никто не сомневается, что это изобретение поддается усовершенствованию.

Я вошел в следующую комнату, где стены и потолок были сплошь затянуты паутиной, за исключением узкого прохода для изобретателя. Едва я показался в дверях, как последний громко закричал, чтобы я был осторожнее и не порвал его паутины. Он стал жаловаться на роковую ошибку, которую совершал до сих пор мир, утилизируя шелковичных червей, тогда как у нас всегда под рукой множество насекомых, бесконечно превосходящих упомянутых червей, ибо они одарены всеми качествами не только прядильщиков, но и ткачей. Далее изобретатель указал, что утилизация пауков совершенно избавит от расходов на окраску тканей, и я вполне убедился в этом, когда он показал нам массу красивых разноцветных мух, которыми кормил пауков и цвет которых, по его уверениям, необходимо должен передаваться изготовленной пауком пряже. И так как у него были мухи всех цветов, то он надеялся удовлетворить вкусам каждого, как только ему удастся найти для мух подходящую пищу в виде камеди, масла и других клейких веществ и придать, таким образом, большую плотность и прочность нитям паутины.

Там же был астроном, проектировавший поместить солнечные часы на большой флюгер ратуши, с целью согласовать годовые и суточные движения земли и солнца со случайными движениями ветра.

Я пожаловался в это время на легкие спазмы в желудке, и мой спутник привел меня в комнату знаменитого медика, особенно прославившегося лечением этой болезни путем двух противоположных операций, производимых одним и тем же инструментом. У него был большой раздувательный мех с длинным и тонким наконечником из слоновой кости. Доктор утвер-

⁶ Бристольская бочка – старинная мера веса сыпучих тел, равная 30 фунтам.

ждал, что, вводя трубку на восемь дюймов в задний проход и раздувая щеки, он может привести кишки в такое состояние, что они станут похожи на высохший пузырь. Но, если болезнь более упорна и жестока, доктор вводит трубку, когда мехи наполнены воздухом, и вгоняет этот воздух в тело больного; затем он вынимает трубку, чтобы вновь наполнить мехи, плотно закрывая на это время большим пальцем заднепроходное отверстие. Эту операцию он повторяет три или четыре раза, после чего введенный в желудок воздух быстро устремляется наружу, увлекая с собой все вредные вещества (как вода из насоса), и больной выздоравливает. Я видел, как он произвел оба эксперимента над собакой, но не заметил, чтобы первый оказал какое-нибудь действие. После второго животное страшно раздулось и едва не лопнуло, затем так обильно опорожнилось, что мне и моему спутнику стало очень противно. Собака мгновенно околела, и мы покинули доктора, прилагавшего старание вернуть ее к жизни при помощи той же операции.

Я посетил еще много других комнат, но, заботясь о краткости, не стану утруждать читателя описанием всех диковин, которые я там видел.

До сих пор я познакомился только с одним отделением Академии; другое же отделение предназначалось для ученых, двигавших вперед спекулятивные науки; о нем я и скажу несколько слов, предварительно упомянув еще об одном знаменитом ученом, известном здесь под именем «универсального искусника». Он рассказал нам, что вот уже тридцать лет он посвящает все свои мысли улучшению человеческого существования. В его распоряжении были две большие комнаты, наполненные удивительными диковинами, и пятьдесят помощников. Одни сгущают воздух в вещество сухое и осязаемое, извлекая из него селитру и процеживая водянистые и текучие его частицы; другие размягчали мрамор для подушек и подушечек для булавок; третьи приводили в окаменелое состояние копыта живой лошади, чтобы предохранить их от изнашивания. Что касается самого искусника, то он занят был в то время разработкой двух великих замыслов: первый из них – обсеменение полей мякиной, в которой, по его утверждению, заключена настоящая производительная сила, что он доказывал множеством экспериментов, для меня, к сожалению, совершенно непонятных; а второй – приостановка роста шерсти на двух ягнятах при помощи особого прикладываемого снаружи состава из камеди, минеральных и растительных веществ; и он надеялся в недалеком будущем развести во всем королевстве породу голых овец.

После этого мы пересекли улицу и вошли в другое отделение Академии, где, как я уже сказал, заседали прожектеры в области спекулятивных наук.

Первый профессор, которого я здесь увидел, помещался в огромной комнате, окруженный сорока учениками. После взаимных приветствий, заметив, что я внимательно рассматриваю станок, занимавший большую часть комнаты, он сказал, что меня, быть может, удивит его работа над проектом усовершенствования умозрительного знания при помощи технических и механических операций. Но мир вскоре оценит всю полезность этого проекта; и он льстил себя уверенностью, что более возвышенная идея никогда еще не возникала ни в чьей голове. Каждому известно, как трудно изучать науки и искусства по общепринятой методе; между тем с помощью его изобретения самый невежественный человек, произведя небольшие издержки и затратив немного физических усилий может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта. Затем он подвел меня к станку, по бокам которого рядами стояли все его ученики. Станок этот имеет двадцать квадратных футов и помещается посередине комнаты. Поверхность его состоит из множества деревянных дощечек, каждая величиною в игральную кость, одни побольше, другие поменьше. Все они были сцеплены между собой тонкими проволоками. С обеих сторон каждой дощечки приклеено по кусочку бумаги, и на этих бумажках были написаны все слова их языка в различных наклонениях, временах и падежах, но без всякого порядка. Профессор попросил меня быть внимательнее, так как он собирался пустить в ход свою машину. По его

команде каждый ученик взял железную рукоятку, которые в числе сорока были вставлены по краям станка. После того, как ученики сделали несколько оборотов рукоятками, расположение слов совершенно изменилось. Тогда профессор приказал тридцати шести ученикам медленно читать образовавшиеся строки в том порядке, в каком они разместились в раме; если случалось, что три или четыре слова составляли часть фразы, ее диктовали остальным четверым ученикам, исполнявшим роль писцов. Это упражнение было повторено три или четыре раза, и машина была так устроена, что после каждого оборота слова принимали все новое расположение, по мере того как квадратики переворачивались с одной стороны на другую.

Молодые студенты занимались этими упражнениями по шесть часов в день, и профессор показал мне множество фолиантов, составленных из подобных отрывочных фраз; он намеревался связать их вместе и от этого богатого материала дать миру полный компендий всех искусств и наук; его работа могла бы быть, однако, еще более улучшена и значительно ускорена, если бы удалось собрать фонд для сооружения пятисот таких станков в Лагадо и сопоставить фразы, полученные на каждом из них.

Он сообщил мне, что это изобретение с юных лет поглощало все его мысли, что теперь в его станок входит целый словарь и что им точнейшим образом высчитано соотношение числа частиц, имен, глаголов и других частей речи, употребляемых в наших книгах.

Я принес глубочайшую благодарность этому почтенному мужу за его любезное посвящение меня в тайны своего великого изобретения и дал обещание, если мне удастся когда-нибудь вернуться на родину, воздать ему должное как единственному изобретателю этой изумительной машины, форму и устройство которой я попросил у него позволения срисовать на бумаге, и прилагаю свой рисунок к настоящему изданию. Я сказал ему, что в Европе хотя и существует между учеными обычай похищать друг у друга изобретения, имеющий, впрочем, ту положительную сторону, что возбуждает полемику для разрешения вопроса, кому принадлежит подлинное первенство, тем не менее я обещаю принять все меры, чтобы честь этого изобретения всецело осталась за ним и никем не оспаривалась.

После этого мы пошли в школу языкознания, где заседали три профессора на совещании, посвященном вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного уничтожения всех слов; автор этого проекта ссылаясь главным образом на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни. А так как слова суть только названия вещей, то автор проекта высказывает предположение, что для нас будет гораздо удобнее носить при себе вещи, необходимые для выражения наших мыслей и желаний. Это изобретение благодаря его большим удобствам и пользе для здоровья, по всей вероятности, получило бы широкое распространение, если бы женщины, войдя в стачку с невежественной чернью, не пригрозили поднять восстание, требуя, чтобы языку их была предоставлена полная воля, согласно старому дедовскому обычаю: так простой народ постоянно оказывается непримиримым врагом науки! Тем не менее многие весьма ученые и мудрые люди пользуются этим новым способом выражения своих мыслей при помощи вещей. Единственным неудобством является то обстоятельство, что, в случае необходимости вести пространный разговор на разнообразные темы, собеседникам приходится таскать на плечах большие узлы с вещами, если средства не позволяют нанять для этого одного или двух дюжих парней. Мне часто случалось видеть двух таких мудрецов, изнемогавших под тяжестью ноши, подобно нашим торговцам вразнос. При встрече на улице они снимали с плеч мешки, открывали их и, достав оттуда необходимые вещи, вели таким образом беседу в продолжение часа; затем складывали свои пожитки, помогали друг другу взваливать их на плечи, прощались и расходились.

Впрочем, для коротких и несложных разговоров можно носить все необходимое в кармане или под мышкой, а разговор, происходящий в домашней обстановке, не вызывает никаких затруднений. Поэтому комнаты, где собираются лица, применяющие этот метод, наполнены всевозможными предметами, пригодными служить материалом для таких искусственных разговоров.

Другим великим преимуществом этого изобретения является то, что им можно пользоваться как всемирным языком, понятным для всех цивилизованных наций, ибо мебель и домашняя утварь всюду одинакова или очень похожа, так что ее употребление легко может быть понято. Таким образом, посланники без труда могут говорить с иностранными королями или министрами, язык которых им совершенно неизвестен.

Я посетил также математическую школу, где учитель преподает эту науку по такому методу, какой едва ли возможно представить себе у нас в Европе. Каждая теорема с доказательством тщательно переписывается на тоненькой облатке чернилами, составленными из микстуры против головной боли. Ученик глотает облатку натошак и в течение трех следующих дней не ест ничего, кроме хлеба и воды. Когда облатка переваривается, микстура поднимается в его мозг, принося с собой туда же теорему. Однако до сих пор успех этого метода незначителен, что объясняется отчасти какой-то ошибкой в определении дозы или состава микстуры, а отчасти озорством мальчишек, которым эта пилюля так противна, что они стараются после приема выплюнуть ее прежде, чем она успеет оказать свое действие; к тому же до сих пор их не удалось убедить соблюдать в точности предписанное воздержание.

Часть четвертая: Путешествие в страну Гуигнгнмов

Глава VII

«...» Когда я ответил на все вопросы хозяина и его любопытство было, по-видимому, вполне удовлетворено, он послал однажды рано утром за мной и, пригласив меня сесть на некотором от него расстоянии (честь, которой раньше я никогда не удостоивался), сказал, что он много размышлял по поводу рассказанного мной как о себе, так и о моей родине, и пришел к заключению, что мы являемся особенной породой животных, наделенных благодаря какой-то непонятной для него случайности крохотной частицей разума, каковым мы пользуемся лишь для усугубления прирожденных нам недостатков и для приобретения пороков, от природы нам несвойственных. Заглушая в себе многие дарования, которыми наделила нас природа, мы необыкновенно искусны по части умножения наших первоначальных потребностей и, по-видимому, проводим всю свою жизнь в суетных стараниях удовлетворить их при помощи изобретенных нами средств. Что касается меня самого, то я, очевидно, не обладаю ни силой, ни ловкостью среднего йеху; нетвердо хожу на задних ногах; ухитрился сделать свои когти совершенно непригодными для защиты и удалить с подбородка волосы, предназначенные служить защитой от солнца и непогоды. Наконец, я не могу ни быстро бегать, ни взбираться на деревья, подобно моим братьям (как он все время называл их) – местным йеху.

Существование у нас правительства и законов, очевидно, обусловлено большим несовершенством нашего разума, а следовательно, и добродетели; ибо для управления разумным существом достаточно одного разума; таким образом, мы, по-видимому, вовсе не притязаем на обладание им, даже если судить по моему рассказу, хотя он ясно заметил, что я стараюсь утаить многие подробности для более благоприятного представления о моих соотечественниках и часто говорю то, чего нет.

Еще более укрепился он в этом мнении, когда заметил, что – подобно полному сходству моего тела с телом йеху, кроме немногих отличий не в мою пользу: меньшей силы, ловко-

сти и быстроты, коротких когтей и еще некоторых особенностей искусственного происхождения – образ нашей жизни, наши нравы и наши поступки, согласно нарисованной мной картине, обнаруживают такое же сходство между нами и йеху и в умственном отношении. Йеху, сказал он, ненавидят друг друга больше, чем животных других видов; причину этого явления обыкновенно усматривают в их внешнем безобразии, которое они видят у других представителей своей особи, но не замечают у себя самих. Поэтому он склонен считать не таким уж неразумным наш обычай носить одежду и при помощи этого изобретения прятать друг от друга телесные недостатки, которые иначе были бы невыносимы. Но теперь он находит, что им была допущена ошибка и что причины раздоров среди этих скотов здесь, у него на родине, те же самые, что и описанные мной причины раздоров среди моих соплеменников. В самом деле (сказал он), если вы дадите пятерым йеху корму, которого хватило бы для пятидесяти, то они, вместо того чтобы спокойно приступить к еде, затевают драку, и каждый старается захватить все для себя. Поэтому, когда йеху кормят вне дома, то к ним обыкновенно приставляют слугу; дома же их держат на привязи на некотором расстоянии друг от друга. Если падает корова от старости или от болезни и гуигнгм не успеет вовремя взять ее труп для своих йеху, то к ней стадами сбегаются окрестные йеху и набрасываются на добычу; тут между ними завязываются целые сражения, вроде описанных мной; они наносят когтями страшные раны друг другу, но убивать противника им удается редко, потому что у них нет изобретенных нами смертоносных орудий. Иногда подобные сражения между йеху соседних местностей начинаются без всякой видимой причины; йеху одной местности всячески стараются напасть на соседей врасплох, прежде чем те успели приготовиться. Но если они терпят почему-либо неудачу, то возвращаются домой и, за отсутствием неприятеля, завязывают между собой то, что я назвал гражданской войной.

В некоторых местах этой страны попадаются разноцветные блестящие камни, к которым йеху питают настоящую страсть; и если камни эти крепко сидят в земле, как это иногда случается, они роют когтями с утра до ночи, чтобы вырвать их, после чего уносят свою добычу и кучами зарывают ее у себя в логовищах; они действуют при этом с крайней осторожностью, беспрестанно оглядываясь по сторонам из боязни, как бы товарищи не открыли их сокровищ. Мой хозяин никак не мог понять причину столь неестественного влечения и узнать, для чего нужны йеху эти камни; но теперь ему кажется, что влечение это проистекает от той самой скупости, которую я приписываю человеческому роду. Однажды, ради опыта, он потихоньку убрал кучу этих камней с места, куда один из его йеху зарыл их; скаредное животное, заметив исчезновение своего сокровища, подняло такой громкий и жалобный вой, что сбежалось целое стадо йеху и стало подвывать ему; ограбленный с яростью набросился на товарищей, стал кусать и царапать их, потом затосковал, не хотел ни есть, ни спать, ни работать, пока хозяин не приказал слуге потихоньку положить камни на прежнее место; обнаружив свои драгоценности, йеху сразу же оживился и пришел в хорошее настроение, но заботливо спрятал сокровище в более укромное место и с тех пор всегда был скотиной покорной и работающей.

Хозяин утверждал также, – да я и сам это наблюдал, – что наиболее ожесточенные сражения между йеху происходят чаще всего на полях, изобилующих драгоценными камнями, потому что поля эти подвергаются постоянным нашествиям окрестных йеху.

Когда два йеху, продолжал хозяин, находят в поле такой камень и вступают в борьбу за обладание им, то сплошь и рядом он достается третьему, который, пользуясь случаем, схватывает и уносит его. Мой хозяин усматривал тут некоторое сходство с нашими судебными процессами; в интересах нашей репутации я не стал разубеждать его, ибо упомянутое им разрешение спора было гораздо справедливее многих наших судебных постановлений. В самом деле, здесь тяжущиеся не теряют ничего, кроме оспариваемого ими друг у друга камня, между тем как наши суды никогда не прекращают дела, пока вконец не разорят обе тяжущиеся стороны.

Продолжая свою речь, мой хозяин сказал, что ничто так не отвратительно в йеху, как их прожорливость, благодаря которой они набрасываются без разбора на все, что попадает

им под ноги: травы, коренья, ягоды, протухшее мясо или все это вместе; и замечательной их особенностью является то, что пищу, похищенную ими или добытую грабежом где-нибудь вдали, они предпочитают гораздо лучшей пище, приготовленной для них дома. Если добыча их велика, они едят ее до тех пор, пока вмещает брюхо, после чего инстинкт указывает им особый корень, вызывающий радикальное очищение желудка.

Здесь попадает еще один очень сочный корень, правда, очень редко, и найти его нелегко; йеху старательно разыскивают этот корень и с большим наслаждением его сосут; он производит на них то же действие, какое на нас производит вино. Под его влиянием они то целуются, то дерутся, ревут, гримасничают, издают нечленораздельные звуки, спотыкаются, падают в грязь и засыпают.

Я обратил внимание, что в этой стране йеху являются единственными животными, которые подвержены болезням; однако этих болезней у них гораздо меньше, чем у наших лошадей. Все они обусловлены не дурным обращением с ними, а нечистоплотностью и обжорством этих гнусных скотов. Язык гуигнгнмов знает только одно общее название для всех этих болезней, образованное от имени самого животного: гнийеху, то есть болезнь йеху; средством от этой болезни является микстура из кала и мочи этих животных, насильно вливаемая больному йеху в глотку. По моим наблюдениям, лекарство это приносит большую пользу, и в интересах общественного блага я смело рекомендую его моим соотечественникам как превосходное средство против всех недугов, вызванных переполнением.

Что касается науки, системы управления, искусства, промышленности и тому подобных вещей, то мой хозяин признался, что в этом отношении он не находит почти никакого сходства между йеху его страны и нашей. А его интересовали только те черты, в которых обнаруживается сходство нашей природы. Правда, он слышал от некоторых любознательных гуигнгнмов, что в большинстве стад йеху бывают своего рода вожди (подобно тому как в наших зверинцах стада оленей имеют обыкновенно своих вожаков), которые всегда являются самыми безобразными и злобными во всем стаде. У каждого такого вожака бывает обыкновенно фаворит, имеющий чрезвычайное с ним сходство, обязанность которого заключается в том, что он лижет ноги и задницу своего господина и доставляет самок в его логовище; в благодарность за это его время от времени награждают куском ослиного мяса. Этот фаворит является предметом ненависти всего стада, и потому для безопасности он всегда держится возле своего господина. Обыкновенно он остается у власти до тех пор, пока не найдется еще худшего; и едва только он удаляется в отставку, как все йеху этой области, молодые и старые, самцы и самки, во главе с его преемником, плотно обступают его и обдают с головы до ног своими испражнениями. Насколько все это приложимо к нашим дворам, фаворитам и министрам, хозяин предложил определить мне самому.

Я не осмелился возразить что-нибудь на эту злобную инсинуацию, ставившую человеческий разум ниже чутья любой охотничьей собаки, которая обладает достаточной сообразительностью, чтобы различить лай наиболее опытного кобеля в своре и следовать за ним, никогда при этом не ошибаясь.

Хозяин мой заметил мне, что у йеху есть еще несколько замечательных особенностей, о которых я или не упомянул вовсе в своих рассказах о человеческой породе, или коснулся их только вскользь. У этих животных, продолжал он, как и у прочих зверей, самки общие; но особенностью их является то, что самка йеху подпускает к себе самца даже во время беременности и что самцы ссорятся и дерутся с самками так же свирепо, как и друг с другом. Оба эти обыкновения свидетельствуют о таком гнусном озверении, до какого никогда не доходило ни одно одушевленное существо.

Другой особенностью йеху, не менее поражавшей моего хозяина, было непонятное их пристрастие к нечистоплотности и грязи, в то время как у всех других животных так естественна любовь к чистоте. Что касается двух первых обвинений, то я должен был оставить их

без ответа, так как, несмотря на все мое расположение к людям, я не мог найти ни слова в их оправдание. Зато мне было бы нетрудно снять с моих соплеменников обвинение, будто они одни отличаются нечистоплотностью, если бы в стране гуингнмов существовали свиньи, но, к моему несчастью, их там не было. Хотя эти четвероногие более благообразны, чем йеху, они, однако, по справедливости не могут, как я скромно полагаю, похвастаться большей чистоплотностью; его милость, наверное, согласился бы со мной, если бы увидел, как противно они едят и как любят валяться и спать в грязи.

Мой хозяин упомянул еще об одной особенности, которая была обнаружена его слугами у некоторых йеху и осталась для него совершенно необъяснимой. По его словам, иногда йеху приходит фантазия забиться в угол, лечь на землю, выть, стонать и гнать от себя каждого, кто подойдет, несмотря на то что такие йеху молоды, упитанны и не нуждаются ни в пище, ни в питье; слуги никак не могут взять в толк, что может у них болеть. Единственным лекарством против этого недуга является тяжелая работа, которая неизменно приводит пораженного им йеху в нормальное состояние. На этот рассказ я ответил молчанием из любви к моим соотечественникам, хотя для меня очевидно, что описанное состояние есть зачаток хандры – болезни, которою страдают обыкновенно только праздные, сластолюбивые и богачи и от которой я взялся бы их вылечить, подвергнув режиму, применяемому в таких случаях гуингнмами.

Далее его милость сказал, что ему часто случалось наблюдать, как самка йеху, завидя проходящих мимо молодых самцов, прячется за холм или за куст, откуда по временам выглядывает со смешными жестами и гримасами; было подмечено, что в такие минуты от нее распространяется весьма неприятный запах. Если некоторые из самцов подходят ближе, она медленно удаляется, поминутно оглядываясь, затем в притворном страхе убегает в удобное место, прекрасно зная, что самец последует туда за ней.

Если в стадо забегает чужая самка, то две или три представительницы ее пола окружают ее, таращат на нее глаза, что-то лепечут, гримасничают, все ее обнюхивают и отворачиваются с жестами презрения и отвращения.

Быть может, мой хозяин несколько сгустил краски в этих выводах из собственных наблюдений или из рассказов, слышанных от других; однако я не мог не прийти к несколько курьезному и очень прискорбному заключению, что зачатки разврата, кокетства, пристрастной критики и злословия прирождены всему женскому полу.

Я все ожидал услышать от моего хозяина обвинение йеху в противоестественных наклонностях, которые так распространены у нас среди обоих полов. Однако природа, по-видимому, малоопытный наставник в этих утонченных наслаждениях, и они целиком порождены искусством и разумом на нашей части земного шара.

Вопросы и задания:

1. Что позволяет отождествлять вымышленную Лиллипутию с современной Свифту Англией? Почему, не ограничившись сатирой на Англию в первой части романа, Свифт продолжает высмеивать основы британского общества во второй и четвертой части?
2. Для чего автору понадобилось создавать столь подробное описание Большой Академии в Лагадо (отрывок II)? Каким образом создается ощущение абсурдности деятельности ученых?
3. Что, по вашему мнению, отличает Свифта от других просветителей, в частности, от Дефо?
4. Что в содержании романа могло послужить причиной для обвинений Свифта в мизантропии?
5. Определите сатирические приемы, которые использует писатель для достижения своих целей. Какой тип сатиры – горацянскую или ювеналову – использует Свифт?

Сэмюэл Ричардсон (1689–1761)

Предтекстовое задание:

Прочитайте предисловие Ричардсона к третьему (восьмитомному) изданию романа «Кларисса, или История молодой леди» (1751) и несколько писем из тома IV, обращая особое внимание на задачи, которые ставил перед собой автор, его концепцию человеческой природы, а также на тематику, центральный конфликт и жанровые особенности его произведения.

**Кларисса, или история молодой леди,
в которой описаны наиболее важные события
частной жизни и в особенности неприятности,
могущие произойти вследствие неверного поведения
как родителей, так и детей в вопросах брака**
Перевод М. Куренной

Предисловие

Нижеследующая история излагается в виде ряда писем, принадлежащих главным образом двум разным парам корреспондентов:

— двум юным девицам, весьма добродетельным и достойным, связанным узами нерушимой дружбы и находящим в писании посланий не просто удовольствие, но и возможность обсудить наиболее *существенные* вопросы, подобные коим могут так или иначе встать однажды в любой семье; и

— двум джентльменам, ведущим свободный образ жизни, один из которых, кичащийся своим хитроумием и изобретательностью, поверяет другому все тайные намерения искушенного разума и неколебимого сердца.

Однако, ради спокойствия тех, кто может в наиболее откровенных письмах узреть угрозу нравственности молодого поколения, здесь уместно заметить, что упомянутые джентльмены, хоть и проповедуют вольность в отношениях с представительницами прекрасного пола, следуя дурному принципу не доверять ни одной женщине, волей случая оказавшейся в их власти, не являются тем не менее ни безбожниками, ни холодными насмешниками и не принадлежат к числу людей, мнящих себя свободными от нравственных обязательств, которые лежат в основе мужской дружбы.

Напротив, по ходу повествования читатель обнаружит, что приятели весьма часто высказывают такие замечания по поводу друг друга, самих себя и собственных поступков, какие и *должны* высказывать благоразумные люди, не утратившие веру в грядущее воздаяние и возмездие и со временем обещающие измениться к лучшему — что в действительности наконец и происходит с одним из них, позволяя ему тем самым порицать вольности, порожденные более веселым пером и более беспечным сердцем своего товарища.

И все же последний, хоть и обнаруживает в откровениях избранному другу порочность, способную вызвать всеобщее негодование, сохраняет в своих писаниях благопристойность образов и благородство стиля, какие не всегда можно найти в произведениях ряда известнейших современных писателей, сюжеты и персонажи которых еще в меньшей степени оправдывают фривольность изложения.

В письмах же двух юных девиц читатель найдет, вероятно, не только ярчайшие свидетельства разумной и *благотворной* дружбы, связывающей души в высшей степени добродетель-

ные и набожные, но и такую утонченность чувств, в частности по отношению к представителям противоположного пола; такую беспристрастность суждений (беспристрастность, которую каждая из девушек выказывает, как требует основной закон их дружбы, открыто порицая, хваля или наставляя подругу), на какие следует настойчиво обращать внимание читательниц – особенно тех, что *помладше*.

Главная из этих двух юных героинь может служить достойным примером для подражания всем представительницам своего пола. Этому не препятствует то обстоятельство, что она не во всех отношениях является совершенством. Автор посчитал не только естественным, но и необходимым наделить героиню некоторыми недостатками, дабы показать читателю похвальную склонность девушки к сомнениям и самообвинениям, ее готовность вынести беспристрастный, продиктованный сознанием собственной греховности приговор себе и своему сердцу, лишь бы найти оправдание тем по-прежнему уважаемым ею людям, которых никто более оправдать не мог бы и которые в силу своих куда более серьезных пороков стали причиной ее заблуждений и ошибок (вызванных, таким образом, отнюдь не слабостью духа, заслуживающей порицания). Насколько это позволяет слабая человеческая природа и насколько для сей юной девы вообще возможно вести себя безупречно, если учесть характеры людей, с коими ей приходится иметь дело и с коими ее связывают неразрывные узы, она воистину ведет себя безупречно. Абсолютная непогрешимость не оставила бы места для Божественной Милости и Очищения, и перед нами предстал бы образ не земной женщины, а ангела. Именно ангелом нередко представляется она человеку, чье сердце развращено до такой степени, что ему трудно поверить в способность человеческой природы являть образцы той незапятнанной добродетели, которая при каждом испытании или искушении сияет в *ее* сердце.

Кроме четырех главных героев в романе представлены еще несколько действующих лиц, чьи письма отмечены своеобразием стиля. В некоторых из них – но прежде всего, конечно, в посланиях центрального мужского персонажа и второго по значению среди женских – встречаются такие проявления веселости, фантазии и юмора, которые смогут послужить увеселению и развлечению читателя и одновременно предостеречь и наставить его.

Все письма выходят из-под пера героев в тот момент, когда их чувства и мысли всецело поглощены предметом обсуждения (то есть событиями, как правило, еще не получившими определенного толкования): посему послания изобилуют не только описаниями критических ситуаций, но и, так сказать, *сиюминутными* размышлениями авторов (кои юному читателю следует бережно хранить в сердце), а равным образом и волнующими душу беседами персонажей, изложенными в диалогической или драматической форме.

Как замечает один из главных героев (том VII), «речь человека, который пишет в минуту крайнего отчаяния, мучаясь состоянием неопределенности (ибо уготованные роком события еще сокрыты от его взора), способна произвести *гораздо более* сильное впечатление, нежели сухой, не одушевленный чувством стиль рассказчика, повествующего о трудностях и опасностях, уже преодоленных. Последний совершенно спокоен и едва ли сможет сильно растрогать читателя историей, которая его самого оставляет равнодушным».

Особая же цель нижеследующего сочинения заключается в том, чтобы предостеречь неосмотрительных и легкомысленных представительниц прекрасного пола от низменной хитрости и коварных интриг лицемерных мужчин; предостеречь родителей от злоупотребления данной им небом властью над детьми в серьезном вопросе брака; предостеречь девушек, которые оказывают предпочтение легкомысленному искателю удовольствий перед простым честным человеком на основании опасного, но чрезвычайно распространенного убеждения, что *из перевоспитанных негодяев получают самые лучшие мужья*; но прежде всего смысл данного произведения заключается в утверждении благороднейших и важнейших законов не только общественной морали, но и христианства, которым неотступно следуют *достойные* персонажи,

в то время как *недостойные*, пренебрегающие упомянутыми законами, несут в конце концов заслуженное и, можно сказать, логически обусловленное их поведением наказание.

Исходя из вышесказанного, вдумчивый читатель не позволит себе отнестись к данному труду как к чтению *сугубо* развлекательному. Вероятно, сочинение сие покажется утомительным и скучным всем тем, кто в поисках *легковесных романов из современной жизни* или *приключенческих романов-однодневок* привык бегло пролистывать книгу и рассматривать изложенную в ней историю (занимательную настолько, насколько может быть занимательной история подобного рода) скорее как нечто *самоценное*, нежели как источник жизненной мудрости.

Как и следовало ожидать, разные читатели по-разному оценивали поведение героини в той или иной конкретной ситуации, и некоторые весьма достойные люди решительно возражали против развязки и ряда других эпизодов романа. Наиболее существенные из этих возражений обсуждаются в постскрипуме, в конце книги. Поскольку данное сочинение задумано как повесть *о жизни и нравах*, постольку те его эпизоды, которые призваны служить поучительным уроком для читателей, должны быть неуязвимы для упреков и возражений в той мере, в какой согласуются с общим замыслом произведения и с *человеческой природой*.

Том IV

Письмо III. Мистер Белфорд – Роберту Лавлейсу, эскв.

Эджвер. 2 мая, вторник вечером,

Не дожидаясь обещанного письма, в коем ты намеревался передать нам отзывы леди *о нас*, я пишу, дабы сообщить, что все мы держимся единодушного мнения *о ней*, кое состоит в том, что среди ее сверстниц не найдется в мире женщины более утонченного ума. Что же касается до ее наружности, то она восхитительное создание и находится в самой поре расцвета; красота ее совершенна; но это самая *скромная* похвала из всех, какие может произнести мужчина, удостоенный чести беседовать с ней; и, однако, она была введена в наше общество против своей воли.

Позволь мне, дорогой Лавлейс, послужить к спасению сей несравненной девицы от опасностей, коим она постоянно подвергается со стороны самого злокозненного сердца на свете. В предыдущем своем послании я ссылался на интересы собственного твоего семейства и желания лорда М., в частности; а кроме того, тогда я еще не видел леди; но ныне мной движет забота *о ее* благе, *о твоей чести*, соображения справедливости, великодушия, благодарности и гуманности, кои все направлены на спасение столь прекрасной женщины. Ты не представляешь, какие муки испытал бы я (неизвестно, откуда проистекающие), когда бы еще до своего отъезда утром не узнал, что несравненная девица расстроила твои ужасные намерения вынуть ее разделить постель с лицемерной Партингтон.

С тех самых пор, как я увидел сию леди, я только и делаю, что говорю о ней. В облике ее есть нечто *столь величественное* и в то же время *столь прелестное*, что доведись мне изобразить все Добродетели и все Грации на одном полотне, каждую из них я нарисовал бы с нее, представленной в разных позах и с разными выражениями лица. Она появилась на свет, дабы украсить свой век и послужила бы украшением для высочайшего сословия. Какие пронзительные и одновременно кроткие очи; каждый взор коих, как мне показалось, выражает смешанное чувство боязни и любви к тебе! Какая очаровательная улыбка, внезапно проглядывающая сквозь облако печали, омрачающее ее прелестное лицо и показывающее, что в глубине души она испытывает больше страха и горя, нежели хочет обнаружить!

«...» Клянусь честью, я проникся столь глубоким почтением к здравому смыслу и суждениям леди, что нахожу совершенно невозможным извинить человека, который обойдется с ней низко; я готов сожалеть о том, что такому ангелу в обличье смертной женщины придется выйти замуж. Она представляется мне воплощением чистого разума; и, если ей суждено встретить мужчину, равным образом воплощающего чистый разум, к чему подвергать опасности очаровательные достоинства, обладательницей коих она является? К чему такому ангелу унижаться настолько, чтобы исполнять пошлые обязанности семейной жизни? Будь она моей, едва ли я пожелал бы увидеть ее матерью – разве что питал бы некую внутреннюю уверенность, что ум, подобный уму леди, может передаваться по наследству. Ибо, одним словом, почему бы не оставить труды тела *обычным* людям? Я знаю, сам ты судишь о ней чуть менее восторженно. Белтон, Моубрэй и Турвиль – все разделяют мое мнение; все превозносят ее на все лады и клянутся, что будет очень, очень жаль погубить женщину, падению коей смогут порадоваться только лишь дьяволы.

Какими же совершенствами и достоинствами должна обладать особа, могущая исторгнуть подобное признание *у нас*, жуиров вроде тебя, которые присоединились к тебе в твоём справедливом негодовании против остальных ее родичей и предложили свою помощь в осуществлении мести последним? Но мы не можем счесть разумным твое желание покарать невинное создание, которое так сильно любит тебя, которое находится под твоим покровительством и так много страдало из-за тебя и из-за ошибок своих близких.

И здесь позволь мне задать тебе один-два серьезных вопроса. Ужели думаешь ты, когда леди сия поистине столь превосходна, что *цель*, поставленная тобой и достигнутая, оправдывает *средства* – то есть стоит затраченных усилий, а равно и вероломства, хитрости, низких замыслов и интриг, в которых ты уже провинился и которые по-прежнему вынашиваешь? Во всяком истинном совершенстве она превосходит всех женщин. Но в том отношении, в каком ты стремишься одержать над ней верх, простая сластолюбива – Партингтон ли, Хортон ли, Мартин ли – сделает сластолюбца в тысячу раз счастливей, нежели захочет или сможет сия леди.

Лишь ласки добровольные отрадны⁷.

И захочешь ли ты сделать *ее* несчастной на всю жизнь, *сам* не став счастливым ни на минуту?

Пока еще не поздно; и, вероятно это все, что можно сказать, коль скоро ты имеешь в виду сохранить уважение и доброе расположение леди, равно как и ее саму; ибо, думаю, у нее нет никакой возможности вырваться из твоих рук сейчас, когда она оказалась в этом проклятом доме. О, эта чертова ханжа *Синклер*, как ты ее называешь! Как только ей удавалось держаться столь благопристойно все время, пока леди находилась с нами?! Будь честен и женись; и будь благодарен леди за то, что она соизволила выйти за тебя замуж. Если ты не сделаешь этого, то станешь презреннейшим из смертных и будешь проклят в этом мире и в следующем; как, несомненно, с тобой случится – и заслуженно – коли тебя станет судить человек, который никогда прежде не был так расположен в пользу женщины и которого ты знаешь как *твоего любящего друга* ДЖ. БЕЛФОРДА

Письмо IV. Мистер Лавлейс – Джону Белфорду, эскв.

3 мая, среда

⁷ ...Лишь ласки добровольные отрадны. – Слегка видоизмененная строка из героической драмы Джона Драйдена «Ауренг-Зеб» (1675).

Когда я уже взял на себя труд сообщать тебе обо всех без изъятия своих планах, намерениях и решениях, касающихся сей восхитительной женщины, представляется очень странным, что ты заводишь пустую болтовню в ее защиту, когда я не подверг леди ни одному испытанию, ни одному искушению – и, однако, в одном из предыдущих писем сам высказываешь то мнение, что ее положением *можно* воспользоваться и что над ней *можно* взять верх.

По большей части твои рассуждения, особенно касающиеся до различия между наслаждением, кое даруют добродетельные и распутные представительницы слабого пола, более уместны в качестве окончательного заключения, нежели *предпосылки*.

Я согласен с тобой и с поэтом в том, что «*лишь ласки добровольные отрадны*» – но можно ли ожидать, что *женщина благовоспитанная* и *блудливая церемоний* уступит прежде, чем подвергнется нападению? И разве я требовал уступок? Я не сомневаюсь, что столкнусь с трудностями. Посему я должен сделать первую попытку внезапно. Вероятно, мне потребуется проявить некоторую *жестокость*; но *борьба* может обернуться *согласием*; *сопротивление* – *уступкой*. Однако надо посмотреть, не будут ли после первого столкновения последующие становиться все слабей и слабей, пока в конце концов дело не завершится *добровольным повиновением*. Я проиллюстрирую свои слова сравнением с только что пойманной пташкой. Мальчишками мы начинаем с птиц; а подрастая, переходим к женщинам; и сначала первые, затем вторые, вероятно, упражняют нашу веселую жестокость.

Не замечал ли ты, как очаровательно, мало-помалу, плененное пернатое смиряется со своим новым положением? – Вначале, отказываясь от всякой пищи, оно бьется и ударяется о железные прутья, покуда яркие его перышки не начинают кружиться в воздухе и устилать пол его надежного узилища. Потом пташка просовывает свою головку далеко сквозь прутья, в коих застревают ее прелестные плечики; а затем, с трудом втянув головку обратно, она судорожно хватается клювом воздух и, устроившись на насесте, сначала задумчивым взором обзоревает, а чуть позже внимательно исследует свой проволочный шатер. Переведя дух, она в новом приступе ярости бьется и ударяется о прутья клетки прелестной головкой и тельцем, щиплет проволоку и клюет пальцы своей восхищенной укротительницы. И наконец, поняв безуспешность сих попыток, совершенно измученная и едва живая, маленькая пленница простирается на полу клетки, будто оплакивая свою жестокую судьбу и утраченную свободу. А спустя несколько дней, по мере того, как ее попытки вырваться на волю становятся все слабей, ибо она убеждается в их бессмысленности, новое обиталище становится привычным для нее; и вот она уже прыгает с жердочки на жердочку, и обретает обычную свою веселость, и каждый день распевает песенки для собственного удовольствия и в благодарность своей владелице.

Теперь хочу сказать тебе, что я видел птичку, которая действительно заморила себя голодом и умерла от горя, когда ее поймали и посадили в клетку. Но никогда не встречал я женщину, настолько глупую. Однако мне доводилось слышать, как милые душечки в подобных случаях грозятся лишиться себя жизни. Но мы ничем не польстим женщине, коли не признаем в ней *больше здравого смысла, чем в птичке*. И тем не менее все мы должны согласиться, что куда трудней поймать *птичку*, чем *леди*.

Разовью сие сравнение дальше: ежели разочарование плененной леди будет очень велико, она и точно станет грозиться, как я сказал; она даже будет отказываться от пищи некоторое время, особенно коли ты станешь умолять ее и она посчитает, будто отказом своим внушает тебе тревогу. Но вскоре аппетит вернется к прекрасной строптивке. И приятно наблюдать, как мало-помалу она смиряется; и движимая чувством голода, сначала, вероятно, сама тайком утянет и проглотит орошенный слезами кусочек; а потом будет вынуждена с видимой неохотой есть понемножку и вздыхать – вздыхать и есть понемножку в твоем присутствии; и время от времени, ежели кушанье будет пресным, проглатывать в качестве приправы слезу-другую; затем она начнет есть и пить, дабы сделать тебе одолжение; затем решит жить ради тебя; а после, глядишь, ее возмущенный ропот заступят лстивые речи; ее яростные укоры обратятся

в нежное воркование: «Как ты *посмел*, коварный!» – в «Как ты *мог*, дорогой!» Она станет подманивать тебя ближе к себе вместо того, чтобы отталкивать прочь; и не будет больше выпускать когти при твоём приближении; но, подобно прелестному, игривому, резвому котенку, мягкими лапками со спрятанными коготками будет легонько ударять тебя по щеке, и, мешая слезы с улыбками и ласками, станет умолять тебя о внимании и *верности*; тогда ей придется просить тебя обо всякой милости! И тогда для мужчины – когда бы ему было дано удовлетвориться одним предметом любви – наступает пора становиться день ото дня все счастливей.

И вот, Белфорд, ежели сейчас я остановлюсь на достигнутом, то как узнаю разницу между моей возлюбленной мисс Харлоу и *другой* птичкой? Выпустить ее на волю сейчас – какая нелепость! Как я узнаю, коли не проверю, можно ли ее заставить петь милые песенки для меня и испытывать при этом такое же довольство, какое я заставлял испытывать прочих пташек – и весьма стыдливых тоже?

Но давай теперь поразмыслим немного о дурных наклонностях человеческой природы. Я могу привести два-три привычных (а не будь они *привычными*, они показались бы *ужасными*) примера жестокости как мужчин, так и женщин по отношению к другим созданиям – вероятно, столь же достойным (по меньшей мере, более невинным), как и они сами. Клянусь честью, Джек, по натуре своей человек больше дикарь, чем принято полагать. Да и не так уж странно, в конце концов, что порой мы мстим за представителей нашего рода куда более невинным животным.

Перейду к частным случаям.

Сколь обычное дело для женщин, равно как и для мужчин, без всякого зазрения совести ловить, сажать в клетку, мучить и даже раскаленными спицами выкалывать глаза бедной пернатой певунье (ты видишь, я еще не закончил с птицами), в которой, однако, относительно ее размеров, заключается больше жизненной силы, чем в человеке (ибо птица – сама душа); и которая, следовательно, не уступает человеку в способности чувствовать! Но в то же время, если честный малый, прибегнув к нежнейшим уговорам и тончайшему лукавству, имеет счастье убедить подвергнутую заточению леди согласиться на собственное ее освобождение, и она изъявляет готовность сломать клетку и взмыть в вечно ликующие небеса свободы – какое страшное негодование возбуждает он против себя!

Однажды, в убогой деревушке в окрестностях Челмсфорда, мы с тобой наблюдали пример подобного негодования, обрушенного на бедного голодного лиса, который, дождавшись удобного случая, поймал за шею и закинул себе за спину жирного гуся с лоснящимися перьями; и в то же мгновение мы увидели гурьбу местных мальчишек и девчонок, стариков и старух; каждая складка и морщина на лицах последних источала в тот миг злобу, и старики были вооружены кольями, вилами, дубинками и битами; а старухи – швабрами, метлами, лопатами для угля, каминными щипцами и кочергами; молодые же швырялись грязью, камнями и обломками кирпичей; и бегущая толпа разрасталась, словно снежный ком, устремляясь за бегущим быстрее ветра воров; и все паршивые дворняги *округи* мчались следом за толпой, и их заливиное тявканье довершало сей ужасный хор.

Помнишь ли ты сию сцену? Конечно, помнишь. Мое воображение, возбужденное нежным сочувствием к отчаянному мародеру, рискующему жизнью, рисует перед моим взором сию картину так отчетливо, словно все это происходило вчера. И не припоминаешь ли ты, как от всей души радовались мы, словно сами избежали смерти, когда тот славный Рейнеке-лис, перепрыгнув счастливо оказавшуюся у него на пути изгородь, возле которой из стариков и детей тут же образовалась куча-мала, и петлями устремившись прочь, спасся от слепой ярости гонителей и летящих вслед ему бит; и как мысленно мы последовали за ним в его тайное убежище и явственно вообразили, как бесстрашный вор смакует дорого доставшуюся ему добычу с наслаждением, соразмерным с пережитой опасностью?

Однажды я заставил очаровательную маленькую дикарку жестоко раскаяться в удовольствии, кое она находила в наблюдении за своей полосатой любимицей, затеявшей жестокую игру с прелестной гладкой мышкой с глазками-бусинками, прежде чем сожрать ее. «Черт возьми, любовь моя! – говорил я себе, созерцая сию сцену. – Я твердо положил затаиться, выжидая удобного случая, чтобы посмотреть, понравится ли тебе, когда я буду швырять тебя через *свою* голову; понравится ли тебе, когда я стану отшвыривать тебя прочь и вновь подтаскивать обратно. Однако я скорей оставлю леди жизнь, нежели лишу ее оной, как в конце концов поступило жестокое четвероногое со своей жертвой». И после того, как все было кончено между моей возлюбленной и мной, я напомнил ей о случае, побудившем меня принять такое решение.

Так и в другой раз я не проявил никакого милосердия к дочери одного старого эпикурейца, который научил девушку без малейшей жалости жарить омаров живьем; приказывать до смерти засекаать кнутом бедных свиней; и соскабливать от хвоста к голове чешую с живых карпов, заставляя их прыгать на сковороде в соусе из собственной крови. И все это ради чревоугодия и для возбуждения аппетита, который в некотором смысле я не теряю никогда и который смело могу назвать волчьим.

Когда бы не желание оставить простор для твоего воображения, я мог бы привести тебе еще множество подобных примеров, показывающих, как самые достойные люди по отношению к одним божьим тварям позволяют себе такие же (и, вероятно, худшие) вольности, какие мы позволяем себе по отношению к другим; и все это *божьи твари*, тем не менее! И божьи твари, как я заметил выше, полные жизненной силы и живого чувства! И потому, если люди желают слыть милосердными, пусть милосердие является в каждом их деянии. Я читал где-то, что *милосердный человек всегда милосерден к животному*.

Пока это все, что я хотел сказать по поводу той части твоего письма, где ты обосновываешь необходимость проявить сострадание к леди.

Но я догадываюсь о главной причине этого твоего горячего выступления в защиту сего очаровательного создания. Я знаю, что ты переписываешься с лордом М., которому давно не терпится и очень хочется увидеть меня связанным узами брака. И ты желаешь услужить дядюшке, имея виды на одну из его племянниц. Но известно ли тебе, что для исполнения твоих желаний потребуются *мое согласие*? И похвалит ли тебя такая девушка, как Шарлотта, когда я расскажу ей об оскорблении, которое ты нанес всему женскому полу, спросив меня, *сочту ли я, овладев прелестнейшей в мире женщиной, что сия награда стоит затраченных усилий*? Кого, по-твоему, скорей простит сильная духом женщина: недооценивающего ее негодяя, который *может задать подобный вопрос*, или мужчину, который *предпочитает преследование и покорение прекрасной женщины всем радостям жизни*? Ужели не знаю я, как даже *целомудренная женщина*, какой она желала слыть, поклялась в вечной ненависти к мужчине, заявившему, что она *слишком стара для того, чтобы соблазнять ее*? И разве оскорбительный отзыв Эссекса о королеве Елизавете, как о *горбатой старухе*⁸, не послужил к его гибели больше, чем его измена?

Но скажу еще пару слов в ответ на твое замечание касательно моих трудов и полученной за них награды.

Разве страстный охотник не рискует сломать себе шею и кости в погоне за хищником, мясо которого не пригодно в пищу ни людям, ни собакам?

Разве охотники на более благородную дичь не ценят оленину меньше, чем саму охоту?

⁸ ...Отзыв Эссекса о королеве Елизавете как о горбатой старухе... – Роберт Деверо, 2-й граф Эссекс (1566–1601) – последний фаворит королевы Елизаветы I. После бездарно проваленной ирландской кампании 1599 года Эссекс попал в опалу. Именно к этому времени относятся оскорбительные высказывания графа о королеве, за которыми вскоре последовал мятеж, приведший его на плаху.

Почему тогда надо порицать меня и оскорблять прекрасный пол за мое терпение и упорство в самой замечательной из всех ловитв и за мое нежелание быть браконьером в любви – ибо именно так *можно истолковать* твой вопрос?

На будущее научись у своего господина выказывать больше почтения к полу, в коем мы находим главные наши развлечения и восторги.

Продолжение последует вскоре.

Письмо V. Мистер Лавлейс, в продолжение предыдущего

Прекрасно заметил ты, что *мое сердце – самое злокозненное в мире*. Ты сделал мне честь, и я сердечно благодарю тебя. Ты неплохой судья. Как важно выступаю я, выставив вперед двойной подбородок, *подобно священнику Буало!*⁹ Разве не обязан я заслужить сей комплимент? И хочешь ли ты, чтобы я раскаивался в убийстве прежде его совершения?

«Добродетели и Грации – прислужницы сей леди. Она, безусловно, появилась на свет, дабы украсить свой век». Хорошо сказано, Джек! – «И послужила бы украшением для высочайшего сословия». Но что за похвала это, если только высочайшее сословие не украшено высочайшими совершенствами? Титул! Пустое! *Высочайший титул!* Ты глупец! Ужели ты, который знает *меня*, настолько ослеплен горностаями и парчой? Только я, захвативший сие сокровище, достоин обладать им. Посему на будущее следи за своим слогом и провозгласи леди украшением счастливейшего мужчины и (в том, что касается ее самой и всего ее пола) величайшего завоевателя на свете.

Кроме того, то, что она *любит меня*, как ты предполагаешь, ни в коей мере не представляется мне очевидным. Ее обусловленные обстоятельства попытки отвергнуть меня, ее нежелание довериться мне дают мне право спросить: как может она ценить мужчину, который завладел ей вопреки ее воле, в долгой, упорной борьбе честно взял ее в плен?

Что же касается до умозаключений, на кои навели тебя *взоры* леди, то ты ничего не понял о ее *сердце*, коль скоро вообразил, будто хоть один из них был исполнен любви. Я внимательно следил за выражением ее глаз и ясно читал в них всего лишь вежливо скрываемое отвращение ко мне и компании, в кою я ввел ее. Ее ранний уход в тот вечер, на котором она настояла вопреки нашим мольбам, должен был убедить тебя в том, что в сердце леди сокрыто очень мало нежности ко мне. А ее *взоры* никогда не выражают чувств, коих нет в ее сердце.

Она, утверждаешь ты, является *воплощением чистого разума*. Это же утверждаю и я. Но почему предполагаешь ты, что ум, подобный ее, встретив ум, подобный моему, и, если еще раз употребить это слово, *встретив* наклонность в ее сердце, не должен произвести на свет умы, родственные ее собственному?

Доведись мне внять твоему глупому совету и жениться, какой фигурой явлюсь я в анналах распутников! Леди находится в моей власти, однако не *намерена* отдаваться мне во власть; открыто отрицает любовь и восстает против нее; обнаруживает столько бдительной осторожности; не полагается на мою честь; семейство ее уверено, что худшее *уже* свершилось; сама она, похоже, уверена, что попытка содействовать худшему будет предпринята [для того и Присцилла Партингтон!] Как?! Ужели ты не хочешь, чтобы я действовал сообразно своей репутации?!

Но почему ты называешь леди *невинной*? И почему говоришь, что она *любит меня*?

Если говорить о ее *невинности* в отношении меня и если употреблять это слово не в общепринятом смысле, то должен настаивать на том, что она *не* невинна. Можно ли назвать невинной *ту*, которая, желая связать меня брачными узами в самом расцвете моей молодости,

⁹ ...подобно священнику Буало... – У французского поэта-классициста Николя Буало (1636–1711) в ироикомической поэме «Налой» (1674) подчеркнуто возвышенным слогом описана пустячная ссора двух священников: достойные отцы не могли прийти к согласию, куда поставить церковный столик. Выдающаяся черта одного из спорщиков – двойной подбородок.

когда я столь склонен к изысканным проказам, хочет неизбежно обречь меня на вечные муки, доведись мне нарушить – как, боюсь, оно и случится – торжественнейший обет из всех, какие я могу дать? На мой взгляд, ни один мужчина не должен давать даже обычную клятву, коли не чувствует в себе силы сдержать ее. Это и есть свидетельство совести! Это и есть свидетельство чести! Когда я решу, что смогу соблюсти брачный обет, тогда для меня и настанет время жениться.

Несомненно, как говоришь ты, дьяволы возрадуются падению такой женщины. Но я твердо убежден, что успею жениться всегда, когда захочу. И ежели я отдам леди эту *справедливость*, разве не получу я права на ее *благодарность*? И разве не будет она чувствовать, что это я сделал ей одолжение, а не она мне? Кроме того, позволь заметить тебе, Белфорд, что *нравственности леди* невозможно нанести больший ущерб, чем нанесли твои собратья-плуты вместе с тобой другим представительницам ее пола, которые сейчас бродят по городу, заклеянные и дважды погибшие. На-ка, проглоти сию пилюлю.

<...>

Письмо VII. Мисс Кларисса Харлоу – мисс Хоу

Я благодарю тебя и мистера Хикмэна за письмо последнего, отправленное мне с любезной поспешностью, и продолжаю повиноваться моей дорогой тиранке, сыплющей угрозы.

Далее она во всех подробностях передает свой разговор с мистером Лавлейсом, состоявшийся во вторник утром и касающийся четырех его друзей и мисс Партингтон, во многом повторяя рассказ мистера Лавлейса. А затем продолжает:

Мистер Лавлейс постоянно обвиняет меня в чрезмерной щепетильности. Он говорит, что «я всегда недовольна им и не могла бы вести себя более холодно даже с мистером Сомсом; и что со всеми его надеждами и понятиями решительно не соображается то обстоятельство, что он оказался не в силах за столь продолжительный срок заблаговременно внушить особе, которую он надеется так скоро иметь честь назвать своей, хоть толику нежности, выделяющей его среди других».

Глупый и пристрастный посягатель! Будто не знает, *чему приписать холодность, с которой я вынуждена обращаться с ним!* Но его *гордость* истребила в нем всякое *благоразумие*. Конечно, это гордость низкая, недостойная; она вытеснила гордость *истинную*, благодаря которой мистер Лавлейс мог бы стать выше тщеславия, всецело им завладевшего.

Однако он делает вид, будто горд единственно возможностью служить мне; и постоянно разглагольствует о своем почтении, смиренности и тому подобном вздоре; но в одном я уверена: он питает, как я заметила при первой же нашей встрече, слишком глубокое уважение к собственной своей персоне, чтобы особо ценить свою супругу, на ком бы он ни женился; и лишь слепая могла не заметить, что он чрезвычайно тщеславится своим внешним превосходством над другими и той непринужденностью в общении, которая объясняется, вероятно (ежели сторонний наблюдатель увидит в ней *какое-то* достоинство), скорей его самоуверенностью, нежели еще чем-либо.

Разве не замечала ты еще тогда, когда я была твоей счастливой гостьей, как сей человек шествует к своей карете, поглядывая по сторонам, будто желая увидеть, чьи взоры привлекла его обманчивая внешность и показные манеры?

Но в самом деле мы встречали невзрачных на вид фатов, державшихся столь кичливо, будто они обладают наружностью, которой можно гордиться; когда в то же время было очевидно, что всеми своими стараниями приукрасить себя они лишь подчеркивали свои изъяны.

Мужчина, который стремится казаться *значительней* или *лучше*, чем он *есть*, как я часто замечала, всего лишь привлекает пристальное внимание к своим потугам; а последнее обыкновенно порождает презрение. Ибо гордыня, как, кажется, я уже говорила, является безоши-

бочным признаком слабости; *некоей ущербности ума или сердца – или того и другого*. Человек, превозносящий себя, оскорбляет своего ближнего, которому приходится сомневаться даже в тех его достоинствах, какие, будь он скромн, вероятно, признали бы за ним по праву.

Ты скажешь, что я очень серьезна; и я действительно серьезна. Мистер Лавлейс низко пал в моем мнении с вечера понедельника и не дает мне никаких оснований для приятных надежд. Ибо какие надежды *в лучшем* случае можно возлагать на человека *столь чуждого мне склада ума*?

Полагаю, в предыдущем письме я упомянула о том, что мне прислали мою одежду. Ты привела меня в такое смятение, что я не помню наверняка. Но помнится, я намеревалась упомянуть об этом. Мне доставили ее в четверг; однако не передали с ней ни мои незначительные накопления, ни мои книги, за исключением *сочинения Дрекселя «О вечности»*, старой доброй *«Практики благочестия»* и *Франциска Спирь*¹⁰. Полагаю, по остроумному совету брата. Он находит, что поступает хорошо, напоминая мне о смерти и отчаянии. Я призываю к себе первую и время от времени погружаюсь в пучину второго.

Моя крайняя серьезность покажется тебе не столь удивительной, когда в дополнение ко всему сказанному и к моему неопределенному положению я сообщу, что вместе с этими книгами близкие переслали мне письмо от кузена Мордена. Оно восстановило мое сердце против мистера Лавлейса. И против меня самой тоже. Я прилагаю послание кузена к сему. Если тебе будет угодно, моя дорогая, прочитай его сейчас.

Полк. Морден – Мисс Клариссе Харлоу

Флоренция, 12 апреля

Меня чрезвычайно обеспокоило известие о размолвке между твоими родственниками, столь близкими и дорогими мне, и *тобой*, еще более дорогой мне, чем все остальные.

Кузен Джеймс сообщил мне о сделанных тебе предложениях и твоих отказах. Ни первые, ни последние не удивили меня. Когда ты в столь ранние лета подавала столь большие надежды ко времени моего отъезда из Англии; и, как я часто слышал, оправдала их в полной мере и в отношении внешности, и в отношении ума – какое восхищение должна ты вызывать! Сколь немногие должны быть достойны тебя!

Твои родители, самые снисходительные на свете к дочери самой достойной, похоже, позволили тебе отвергнуть нескольких джентльменов. Наконец они сообразовали *настойчиво* указать тебе на одного человека, встревоженные ухаживанием другого, коего не могли одобрить.

По-видимому, своим поведением ты никак не обнаружила перед ними своего глубокого отвращения к означенному господину; и потому они продолжали действовать – вероятно, слишком поспешно для особы столь деликатной, как ты. Но когда обе стороны пришли к согласию и составили брачный договор, в высшей степени выгодный для тебя, договор, убедительно свидетельствующий о справедливом уважении сего господина к тебе, ты бежала из дома, явив тем самым безрассудство и горячность, мало сообразные с той мягкостью нрава, которая придавала изящество всем твоим поступкам.

Я очень мало знаю обоих джентльменов, но о мистере Лавлейсе знаю больше, нежели о мистере Сомсе. Мне хотелось бы иметь основания отозваться о нем лучше, чем я могу. Твой брат признает, что во всех отношениях, кроме *одного*, между ними не может быть сравнения.

¹⁰ ...сочинения Дрекселя «О вечности», старой доброй «Практики благочестия» и Франциска Спирь... – Перечисляются глубоко религиозные сочинения, акцент в которых сделан на греховности человеческой природы, близости смерти и вечности адских мук.

Но это *одно* качество перевешивает все прочие вместе взятые. Невозможно представить, чтобы Кларисса Харлоу простила мужу отсутствие **НРАВСТВЕННОСТИ**.

Какой довод, милейшая моя кузина, привести тебе в первую очередь в связи с этим? Верность дочернему долгу, твои интересы, твое нынешнее и будущее благополучие, все вместе могут зависеть и зависят единственно от этого пункта – *нравственности мужа*. Женщина, имеющая порочного супруга, может не найти в себе сил *быть* доброй и лишиться возможности *делать* добро; и потому оказывается в худшем положении, чем мужчина, имеющий плохую жену. Насколько я понял, ты сохранила все свои религиозные убеждения. Я бы удивился, когда бы это было не так. Но уверена ли ты, что сумеешь следовать им в обществе безнравственного мужа?

Коль скоро ты расходишься со своими родителями во мнении по сему важному вопросу, позволь мне спросить тебя, дорогая моя кузина, кто из вас должен уступить? Признаюсь, я считал бы мистера Лавлейса наилучшей из всех возможных партий для тебя, будь он человеком нравственным. Я не стал бы много высказываться против человека, судить поступки которого не имею права, когда бы он не ухаживал за моей кузиной. Но в данном случае позволь мне сказать тебе, милая Кларисса, что мистер Лавлейс просто недостоин тебя. Ты говоришь, он *может* исправиться; но может и *нет*. От привычек невозможно избавиться легко и скоро. Распутники, кои являются таковыми вопреки своим дарованиям, исключительному уму и убеждениям, едва ли исправятся когда-нибудь, кроме как чудом или вследствие немощи. Прекрасно знаю я собственный свой пол. Прекрасно могу судить я о том, насколько возможно исправление распущенного молодого человека, не сокрушенного недугами, несчастьями и бедствиями, который имеет виды на богатое наследство; когда он весел духом, безудержен в своих страстях; когда люди, с которыми он водится, – вероятно, подобные ему самому, – убеждают его в верности избранного образа жизни, принимая участие во всех его предприятиях.

Если же говорить о другом джентльмене – предположи, милая кузина, что, если ты не любишь его *сейчас*, то вполне вероятно, полюбишь его *впоследствии*; и, возможно, тем больше именно потому, что не любишь его *сейчас*. Едва ли он падет в твоём мнении еще *ниже*; скорей *возвысится*. Большие надежды крайне редко оправдываются хотя бы *отчасти*. В самом деле, как может быть иначе, когда утонченное и богатое воображение уносится в своих мечтах бесконечно далеко от действительности, к возвышеннейшим радостям из доступных в подлунном мире? Женщина, украшенная подобным воображением, не видит изъяна в предмете своего чувства (тем более, если она не знает за собой никакой умышленной вины), пока не становится слишком поздно исправлять ошибку, вызванную ее великодушной доверчивостью.

Но представь себе, что особа твоих дарований выходит замуж за человека, обладающего скрытыми талантами. Кто в этом случае удачней распорядится *собой*, чем мисс Кларисса Харлоу? Какое наслаждение находишь ты в добрых деяниях! Как успешно посвящаешь часть дня собственному своему совершенствованию и интересам всех, входящих в круг твоего общения! – и *кроме того*, ты обнаруживаешь такой вкус, такие успехи в самых деликатных трудах и самых деликатных занятиях; такое превосходство во всех частях домашнего хозяйства, в какие приличествует входить молодой леди, что твои близкие пожелают, чтобы тебя как можно меньше заботили достоинства, которые можно назвать всего лишь *внешними*.

Но мне бы хотелось, милая кузина, чтобы ты подумала как следует о возможных последствиях того предпочтения, кое ты, юная леди столь даровитая, предположительно отдаешь распутнику. Чтобы душа столь возвышенная соединилась с душой столь низменной! И разве такой человек, как этот, не принесет в твою жизнь постоянное беспокойство? Разве не будет по его милости душа твоя вечно полна тревоги за него и за себя? – Когда он пренебрежет властью как божественной, так и мирской, и станет постоянно нарушать их установления не просто *случайно*, но *умышленно*. Дабы снискать его одобрение и сохранить его расположение, тебе, вероятно, придется отказаться от всех собственных своих похвальных устремлений. Тебе придется

разделить его приязни и неприязни. Тебе придется отказаться от собственных своих добродетельных друзей ради его развратных приятелей – вероятно, твои друзья покинут тебя по причине каждодневных скандалов, кои он станет устраивать. Можешь ли ты надеяться, кузина, *надолго* сохранить добронравие, присущее тебе *ныне*? Если нет, подумай хорошенько, от каких из нынешних своих похвальных наслаждений ты желала бы отказаться? Какие предосудительные наслаждения смогла бы разделить с ним? Как сумеешь ты отступить от тех своих обязанностей, которые сейчас столь примерно исполняешь, вместо того, чтобы следовать оным далее? И можешь ли ты знать, где ты будешь наказана и где *сможешь* остановиться, если однажды поступишь своими убеждениями?

<...>

Знаю, о мистере Лавлейсе заслуженно можно говорить, как о приятном исключении из общего правила; ибо он действительно человек способный и просвещенный; его уважали и здесь, и в Риме; а привлекательная наружность и благородный склад ума давали ему большое преимущество перед остальными. Но нет нужды говорить тебе, что распутник, обладающий здравым смыслом, сотворяет несравненно большее зло, чем в силах сотворить распутник умственно неразвитый. И вот что еще скажу я тебе: мистеру Лавлейсу следует винить только себя самого за то, что в кругу *людей образованных* он не снискал еще большее уважение, чем то, каким пользовался. Одним словом, он находил развлечение в некоторых вольных забавах, кои угрожали его жизни и свободе; по этой причине лучшим и достойнейшим людям из тех, кто почтил его своим вниманием, пришлось прекратить знакомство с ним; а пребывание его во Флоренции и Риме оказалось не столь длительным, как он задумывал.

Это все, что я хотел сказать о мистере Лавлейсе. Мне было бы куда приятней иметь повод аттестовать его совершенно иначе. Но что касается до повес и распутников вообще, то мне, который хорошо знает их, будет позволено добавить еще несколько слов на эту тему – дабы предостеречь тебя от того зла, какое они *всегда* держат в сердце и *слишком часто* сотворяют на деле по отношению к вашему полу.

Либертен¹¹, милая кузина, *каверзный* и *злокозненный* распутник, обыкновенно *безжалостен* – и всегда *несправедлив*. Благородное правило не желать другим того, чего ты не пожелал бы себе, он нарушает в первую очередь; и нарушает его каждый день; и чем чаще делает это, тем больше торжествует. Он глубоко презирает ваш пол. Он не верит в женскую добродетель, поскольку сам развратен. Каждая женщина, которая *благоволит к нему*, *утверждает* его в сем безнравственном неверии. Он всегда измышляет способы умножить зло, в коем находит наслаждение. Коль скоро женщина любит такого мужчину, как может она вынести мысль о необходимости делить его любовь с доброй половиной городских жительниц, принадлежащих, к тому же, вероятно, к самым низам общества? Кроме того, такое сладострастие! Как сможет юная леди, столь утонченная, терпеть такого сладострастника? Человека, который обращает в шутку свои клятвы; и который, вероятно, сокрушит твой дух оскорблениями, в высшей степени недостойными мужчины. *В начале* своего пути либертен должен отказаться от всяких угрызений совести, от всякого милосердия. *Продолжать* сей путь – значит неизменно являть собой все самое низкое и жестокое. Мольбы, слезы и самое униженное смирение будут всего лишь разжигать его гордость; вероятно, он станет похваться примерами твоего терпеливого страдания и сломленного духа перед своими бесстыдными приятелями и, вполне возможно, еще более бесстыдными женщинами, биться с ними об заклад и приводить их домой, дабы они убедились в первом и втором.

¹¹ *Либертен* (или *либертин*, от лат. *libertinus* – вольноотпущенный) – вольнодумец, представитель враждебного церкви идеологического течения, игравшего важную роль в духовной жизни Европы XVII–XVIII вв. Различают два типа либертинажа: 1) подлинную философию вольномыслия, оппозиционную по отношению к господствующим устоям и гуманистическую по своей природе и 2) либертинаж нравов – цинизм в вопросах морали и показное безбожие. В романе Ричардсона слово употреблено именно в этом последнем значении.

Я пишу о случаях, мне *известных*.

Я не упоминаю о промотанных наследствах, заложенных или проданных имениях и обездоленном потомстве – равно как и о множестве других злодеяний, слишком ужасных, чтобы говорить о них особе столь утонченной. <...>

Поразмысли над моими словами, которым я постарался бы придать больше убедительности, когда бы не считал это лишним в беседе с особой твоего благоразумия – поразмысли над ними хорошенько, возлюбленная моя кузина; и, ежели родители будут настаивать на твоём замужестве, решишь подчиниться им; и не позволю никому сказать, что твои прихоти (как у многих представительниц твоего пола) оказались сильнее чувства долга и здравого смысла. Чем меньше нравится девушке жених, тем больше обязывает она его своим согласием. Помни, что мистер Сомс – человек трезвого ума, он имеет добрую репутацию, которую можно утратить, а потому сия репутация послужит залогом доброго его отношения к тебе.

Тебе представляется возможность явить высочайший из всех мыслимых пример дочерней почтительности. Воспользуйся ею. Это тебе по силам. Этого все ожидают от тебя; однако если принять во внимание твои наклонности, можно посожалеть о том, что тебя призывают явить сей пример. Давай скажем так: ты могла одолжить своих родителей (гордое выражение, кузина!) – но могла сделать это, единственно лишь поступив *противно* своим наклонностям! Родителей, перед которыми ты тысячу раз в долгу; которые тверды в своем решении и не отступятся от него; которые уступали тебе во многих случаях, даже подобного рода; и в свою очередь ожидают от тебя уступки в подтверждение собственной своей власти, равно как и своего здравого смысла.

Надеюсь в скором времени лично поздравить тебя с твоим похвальным согласием. Необходимость уладить все дела и снять с себя опекунов – одна из основных причин моего отъезда из этих мест. Буду рад устроить все наилучшим для всех образом; и для тебя в особенности.

Я буду несказанно счастлив, ежели по приезде найду, что в семействе, столь дорогом мне, как и прежде, царит блаженное согласие; тогда, вероятно, я оставлю все свои дела, дабы безотлучно находиться рядом с вами.

Я написал очень длинное письмо и боле ничего не добавлю, кроме того, что засим остаюсь с глубочайшим почтением, дражайшая кузина, твоим покорным слугой У. Морденом.

Предположу, дорогая мисс Хоу, что ты прочитала письмо кузена. Теперь поздно сожалеть о том, что оно не пришло раньше. Но если бы и *пришло*, вероятно, у меня все равно достало бы глупости прийти на *роковую встречу* с мистером Лавлейсом, ибо я совсем не думала бежать с ним.

Но едва ли *до* встречи я подала бы ему *надежду* на подобный исход, вследствие которой он явился *подготовленным* и которую он столь коварно вынудил меня оправдать.

Я терпела такие притеснения и питала так мало надежд на снисхождение, кое, как к великой моей горечи поведала мне тетюшка (и ты подтвердила ее слова), ожидало меня, что теперь трудно сказать, согласилась бы я или нет на *встречи с ним*, когда бы сие послание пришло своевременно; но я твердо уверена в одном: оно заставило бы меня настаивать со всем упорством, наперекор всем планам близких, на отъезде к доброму автору назидательного послания и на своем желании обрести отца (защитника, равно как и друга) в родственнике, который является одним из моих опекунов. В моем положении подобное покровительство было бы понятным, по меньшей мере, непредосудительным. Но мне *суждено было стать* несчастной! И как нестерпимо мучительна для меня мысль, что я уже сейчас могу подписаться под словесным портретом распутника, столь верно изображенного в письме моего кузена, кое, полагаю, ты уже прочитала!

Чтобы судьба связала меня с человеком такого нрава, какой всегда внушал мне отвращение! Но, полагаясь на свою силу и не имея оснований опасаться безрассудных и постыдных

порывов со своей стороны, я, вероятно, слишком редко обращала взоры к Высочайшему Владыке, коему мне следовало полностью довериться, не рассчитывая на себя – и особенно, когда человек такого нрава стал ухаживать за мной с таким упорством.

Неискусственность и самонадеянность – с помощью брата и сестры, видевших низкую корысть в моем позоре, – привели меня к *погибели*! Страшное слово, дорогая моя! Но я повторяю его и по зрелом раздумье; ибо, пусть даже случится лучшее из того, что может случиться *сейчас*, репутация моя погублена; жизнь с распутником – мой удел; а *что* это за удел, тебе поведало письмо кузена Мордена.

<...>

Позволь мне просить тебя, однако, молиться вместе со мной о том (когда судьба моя, похоже, зависит от *слова подобного человека*), чтобы, какой бы ни оказалась моя судьба, не сбылась та ужасная часть отцовского проклятия, в которой он желает мне понести наказание от руки человека, коему, как он полагает, я доверилась; чтобы этого не случилось – как ради самого *мистера Лавлейса*, так и во имя *человеческой природы*! Или, если для утверждения отцовской власти будет необходимо, чтобы я понесла наказание от *него*, пусть я приму кару не через *умышленную* или *намеренную* низость, но буду иметь возможность оправдать его *намерение*, ежели не *деяние*! В противном случае вина моя усугубится в глазах света, привыкшего судить человека лишь по видимым обстоятельствам. И все же, думаю, я была бы рада, если бы жестокость моего отца и дядюшек, сердца которых уже слишком глубоко уязвлены моим прегрешением, могла быть оправдана во всех отношениях, помимо сего тяжкого проклятия; и если бы отец сообразовал снять с меня оное, прежде чем о нем станет известно всем; по меньшей мере, ту ужасную часть проклятия, коя касается до загробной жизни!

Вопросы и задания:

1. Какие задачи ставил перед собой Ричардсон в романе «Кларисса»?
2. Какие возможности открывала перед ним эпистолярная форма романа? Приведите суждения Ричардсона, высказанные им на этот счет в предисловии к роману.
3. Каковы основные темы романа Ричардсона?
4. Каких взглядов на человеческую природу придерживается автор «Клариссы»?
5. На основании приведенных здесь писем попытайтесь дать характеристику персонажей – участников переписки.
6. Изложите суть центрального конфликта романа.
7. Приведите примеры из текста, свидетельствующие о психологическом мастерстве Ричардсона.

Генри Филдинг (1707–1754)

Предтекстовое задание:

Познакомьтесь с отрывками из романа «История Тома Джонса, найденныша» (1749), особое внимание уделяя отличиям творческой манеры Филдинга от творческой манеры других писателей-просветителей – Дефо, Свифта, Ричардсона.

История Тома Джонса, найденныша Перевод А. А. Франковского

*Mores hominum multorum vidit*¹²

Книга первая, которая содержит о рождении найденныша столько сведений, сколько необходимо для первоначального знакомства с ним читателя

Глава I. Введение в роман, или Список блюд на пиршестве

Писатель должен смотреть на себя не как на барина, устраивающего званый обед или даровое угощение, а как на содержателя харчевни, где всякого потчуют за деньги. В первом случае хозяин, как известно, угощает чем ему угодно, и хотя бы стол был не особенно вкусен или даже совсем не по вкусу гостям, они не должны находить в нем недостатки: напротив, благовоспитанность требует от них на словах одобрять и хвалить все, что им ни подадут. Совсем иначе дело обстоит с содержателем харчевни. Посетители, платящие за еду, хотят непременно получить что-нибудь по своему вкусу, как бы они ни были избалованы и разборчивы; и если какое-нибудь блюдо им не понравится, они без стеснения воспользуются своим правом критиковать, бранить и посылать стряпню к черту.

И вот, чтобы избавить своих посетителей от столь неприятного разочарования, честные и благомыслящие хозяева ввели в употребление карту кушаний, которую каждый вошедший в заведение может немедленно прочесть и, ознакомившись таким образом с ожидающим его угощением, или остаться и ублажать себя тем, что для него приготовлено, или идти в другую столовую, более сообразную с его вкусами.

Так как мы не считаем зазорным позаимствоваться умом-разумом от всякого, кто способен поучить нас, то согласились последовать примеру этих честных кухмистеров и представить читателю не только общее меню всего вашего угощения, но также особые карты каждой перемены кушаний, которыми собираемся потчевать его в этом и следующих томах.

А заготовленная вами провизия является не чем иным, как человеческой природой. И я не думаю, чтобы рассудительный читатель, хотя бы и с самым избалованным вкусом, стал ворчать, придирается или выражать недовольство тем, что я назвал только один предмет. Черепаха – как это известно из долгого опыта бристолюскому олдермену, очень сведущему по части еды, помимо отменных спинки и брюшка, содержит еще много разных съедобных частей; а просвещенный читатель не может не знать чудесного разнообразия человеческой природы,

¹² Видел нравы многих людей (лат.). Эпиграф заимствован Филдингом из «Поэтического искусства» Горация.

хотя она и обозначена здесь одним общим названием: скорее повар переберет все на свете сорта животной и растительной пищи, чем писатель исчерпает столь обширную тему.

Люди утонченные, боюсь, возразят, пожалуй, что это блюдо слишком простое и обыкновенное; ибо что же иное составляет предмет всех этих романов, повестей, пьес и поэм, которыми завалены прилавки? Много изысканных кушаний мог бы забраковать эпикуреец, объявляя их обыкновенными и заурядными на том только основании, что где-нибудь в глухом переулке подается под таким же названием разная дрянь. В действительности настоящую природу так же трудно найти у писателей, как байоннскую ветчину или болонскую колбасу в лавках.

Вся суть – будем держаться нашей метафоры – в писательской кухне, ибо, как говорит мистер Поп:

Остро сказать – наряд к лицу надеть,
Живую мысль в слова облечь уметь¹³.

То самое животное, которое за одни части своего мяса удостоивается чести быть поданным к столу герцога, нередко подвергается унижению за другие части, и иные его куски болтаются на веревке в самой последней городской лавчонке. В чем же тогда разница между пищей барина и привратника, которые едят одного и того же быка или тельца, как не в приправе, приготовлении, гарнире и сервировке? Вот почему одно блюдо возбуждает и разжигает самый вялый аппетит, а другое отталкивает и притупляет самый острый и сильный.

Подобным же образом высокие достоинства умственного угощения зависят не столько от темы, сколько от искусства писателя выгодно подать ее. Как же будет порадован читатель, найдя, что в настоящем сочинении мы заботливо придерживались одного из первейших правил лучшего повара, какого только произвел нынешний век, а может быть, даже век Гелиогабала¹⁴! Этот великий человек, как хорошо известно всем любителям полакомиться, подает сначала, на голодный желудок, простые кушанья, а потом, когда, по его предположениям, аппетит слабеет, восходит до самых пикантных соусов и пряностей. Так и мы предложим сначала человеческую природу свежему аппетиту нашего читателя в том простом и безыскусственном виде, в каком она встречается в деревне, а потом начнем и приправим ее всякими тонкими французскими и итальянскими специями притворства и пороков, которые изготавливаются при дворах и в городах. Мы не сомневаемся, что такими средствами можно поселить в читателе желание читать до бесконечности, вроде того как только что названный великий человек вызывал в иных людях охоту без конца поглощать еду.

Предпослав эти замечания, мы не будем больше томить голодом читателей, которым наше меню пришлось по вкусу, и немедленно угостим их первым блюдом нашей истории.

Глава II. Краткое описание сквайра Олверти и более обстоятельные сведения о мисс Бриджет Олверти, его сестре

В той части западной половины нашего королевства, которая обыкновенно называется Сомерсетшир, жил недавно, а может быть, и теперь еще живет, дворянин по фамилии Олверти, которого с полным правом можно было назвать баловнем Природы и Фортуны, ибо они, казалось, состязались, как бы пощеднее одарить его и облагодетельствовать. Из этого состязания Природа, на взгляд иных, вышла победительницей, оделив его множеством даров, тогда как в распоряжении Фортуны был один только дар, но, награждая им, она проявила такую рас-

¹³ *Остро сказать...* – Цитата из стихотворного трактата Александра Поупа (1688–1744) «Опыт о критике» (1711).

¹⁴ *Гелиогабал* – римский император (204–222), известный своим гурманством и распутством.

точительность, что, пожалуй, этот единственный дар покажется иному стоящим больше всех разнообразных благ, отпущенных ему Природой. От последней ему достались приятная внешность, здоровое телосложение, ясный ум и доброжелательное сердце; Фортуна же сделала его наследником одного из обширнейших поместий в графстве.

В молодости дворянин этот был женат на весьма достойной и красивой женщине, которую любил без памяти; от нее он имел троих детей, но все они умерли в младенчестве. Ему выпало также несчастье лет за пять до начала нашей повести похоронить и свою любимую жену. Как ни велика была утрата, он перенес ее как человек умный и с характером, хотя, должно признаться, часто толковал насчет этого немножко странно; так, порой от него можно было услышать, что он по-прежнему считает себя женатым и думает, что жена лишь немного опередила его в путешествии, которое и ему неизбежно придется, раньше или позже, совершить вслед за ней, и что он нисколько не сомневается встретиться с ней снова там, где уж никогда больше с ней не разлучится, – суждения, за которые одни из соседей отвергали в нем здравый смысл, другие – религиозные чувства, а третьи – искренность.

Теперь он жил большей частью в деревенской глуши, вместе с сестрой, которую нежно любил. Дама эта перешагнула уже за тридцать – возраст, в котором, по мнению злых, можно уже не чинясь называть себя старой девой. Она была из тех женщин, которых мы хвалим скорее за качество сердца, чем за красоту, а представительницы прекрасного пола называют обыкновенно порядочными женщинами: «Она, знаете, порядочная, во всех отношениях порядочная». И в самом деле, она так мало сожалела о недостатке красоты, что говорила об этом совершенстве, если красоту вообще можно назвать совершенством, не иначе как с презрением и часто благодарила бога за то, что она не так красива, как мисс такая-то, которая, не будь у нее красоты, наверное, не натворила бы столько глупостей. Мисс Бриджет Олверти (как звали эту даму) весьма справедливо видела в обаятельной внешности женщины всего лишь ловушку и для нее самой, и для других, но несмотря на личную безопасность, была все же крайне осмотрительна в своем поведении и до такой степени держалась настороже, словно ей были расставлены все ловушки, когда-либо угрожавшие прекрасному полу.

Действительно, я заметил, хотя это и может показаться читателю несуразным, что такого рода благоразумная осмотрительность, подобно полицейским дозорам, исполняет свои обязанности тем ретивее, чем меньше опасность. Часто эта осмотрительность постыдно и трусливо покидает первых красавиц, по которым мужчины томятся, вздыхают, чахнут и которым они расстилают все сети, какие только в их власти, и ни на шаг не отходит от тех высшего разбора женщин, к которым сильный пол относится с самым глубоким и благоговейным почтением и которых (должно быть, отчаиваясь в успехе) никогда не решается атаковать. Читатель, прежде чем мы пойдем с тобой дальше, не мешает, мне кажется, предупредить тебя, что в продолжение этой повести я намерен при всяком удобном случае пускаться в отступления; и когда это делать – мне лучше знать, чем какому-либо жалкому критику. Вообще я покорнейше просил бы всех господ критиков заниматься своим делом и не соваться в дела или сочинения, которые их вовсе не касаются, ибо я не обращусь к их суду, пока они не представят доказательств своего права быть судьями.

Глава III. Странный случай, приключившийся с мистером Олверти по возвращении домой. Благопристойное поведение миссис Деборы Вилкинс с добавлением нескольких замечаний о незаконных детях

В предыдущей главе я сказал читателю, что мистер Олверти получил в наследство крупное состояние, что он имел доброе сердце и что у него не было детей. Многие, без сомнения, сделают отсюда вывод, что он жил, как подобает честному человеку; никому не был должен ни шиллинга, не брал того, что ему не принадлежало, имел открытый дом, радушно угощал

соседей и благотворительствовал бедным, то есть тем, кто предпочитает работе попрошайничество, бросая им объедки со своего стола, построил богадельню и умер богачом.

Многое из этого он действительно сделал: но если бы он этим ограничился, то я предоставил бы ему самому увековечить свои заслуги на красивой мраморной доске, прибитой над входом в эту богадельню. Нет, предметом моей истории будут события гораздо более необыкновенные, иначе я только попусту потратил бы время на писание столь объемистого сочинения, и вы, мой рассудительный друг, могли бы с такой же пользой и удовольствием прогуляться по страницам книг, в шутку названных проказниками авторами Историей Англии.

Мистер Олверти целые три месяца провел в Лондоне по какому-то частному делу; не знаю, в чем оно состояло, но, очевидно, было важное, если так надолго задержало его вдали от дома, откуда в течение многих лет не отлучался даже на месяц. Он приехал домой поздно вечером и, наскоро поужинав с сестрой, ушел, очень усталый, в свою комнату. Там, простояв несколько минут на коленях – обычай, которого он не нарушал ни при каких обстоятельствах, – Олверти готовился уже лечь в постель, как вдруг, подняв одеяло, к крайнему своему изумлению, увидел на ней завернутого в грубое полотно ребенка, который крепко спал сладким сном. Несколько времени он стоял, пораженный этим зрелищем, но так как добрые чувства всегда брали в нем верх, то скоро проникся состраданием к лежавшему перед ним бедному малютке. Он позвонил и приказал немедленно разбудить и позвать пожилую служанку, а сам тем временем так залюбовался красотой невинности, которую всегда в живых красках являет зрелище спящего ребенка, что совсем позабыл о своем ночном туалете, когда в комнату вошла вызванная им матрона. А между тем она дала своему хозяину довольно времени для того, чтобы одеться, ибо из уважения к нему и ради приличия провела несколько минут перед зеркалом, приводя в порядок свою прическу, несмотря на то что лакей позвал ее с большой торопливостью и ее хозяин, может быть, умирал от удара или с ним случилось какое-нибудь другое несчастье.

Нет ничего удивительного, что женщину, столь требовательную к себе по части соблюдения приличий, шокирует малейшее несоблюдение их другими. Поэтому, едва только она отворила дверь и увидела своего хозяина стоявшим у постели со свечой в руке и в одной рубашке, как отскочила в величайшем испуге назад и, по всей вероятности, упала бы в обморок, если бы Олверти не вспомнил в эту минуту, что он не одет, и не положил конец ее ужасу, попросив ее подождать за дверью, пока он накинёт какое-нибудь платье и не будет больше смущать непорочные взоры миссис Деборы Вилкинс, которая, хотя ей шел пятьдесят второй год, божилась, что отроду не видела мужчины без верхнего платья. Насмешники и циники станут, пожалуй, издеваться над ее испугом; но читатели более серьезные, приняв в соображение ночное время и то, что ее подняли с постели и она застала своего хозяина в таком виде, вполне оправдают и одобряют ее поведение, разве только их восхищение будет немного умерено мыслью, что Дебора уже достигла той поры жизни, когда благоразумие обыкновенно не покидает девицы.

Когда Дебора вернулась в комнату и услышала от хозяина о найденном ребенке, то была поражена еще больше, чем он, и не могла удержаться от восклицания, с выражением ужаса в голосе и во взгляде: «Батюшки, что ж теперь делать?»

Мистер Олверти ответил на это, что она должна позаботиться о ребенке, а утром он распорядится подыскать ему кормилицу.

– Слушаюсь, сударь! И я надеюсь, что ваша милость отдаст приказание арестовать шлюху-мать; это, наверно, какая-нибудь, что живет по соседству; то-то приятно будет поглядеть, как ее будут отправлять в исправительный дом и сечь на задке телеги! Этих негодных тварей как ни наказывай, все будет мало! Побожусь, что у нее не первый. Экое бесстыдство: подкинуть его вашей милости!

– Подкинуть его мне, Дебора? – удивился Олверти. – Не могу допустить, чтобы у нее было такое намерение. Мне кажется, она избрала этот путь просто из желания обеспечить своего ребенка, и я очень рад, что несчастная не сделала чего-нибудь хуже.

– Чего уж хуже, – воскликнула Дебора, – если такие негодницы взваливают свой грех на честного человека! Известно, ваша милость тут ни при чем, но свет всегда готов судить, и не раз честному человеку случалось прослыть отцом чужих детей. Если ваша милость возьмет заботы о ребенке на себя, это может заронить подозрения. Да и с какой стати вашей милости заботиться о младенце, которого обязан взять на свое попечение приход? Что до меня, то, будь еще это честно прижитое дитя, так куда ни шло, а к таким пашенкам, верьте слову, мне прикоснуться противно, я за людей их не считаю. Фу, как воняет! И запах-то у него не христианский! Если смею подать совет, то положила бы я его в корзину, унесла бы отсюда и оставила бы у дверей церковного старосты. Ночь хорошая, только ветрено немного и дождь идет; но если его закутать хорошенько да положить в теплую корзину, то два против одного, что проживет до утра, когда его найдут. Ну, а не проживет, мы все-таки долг свой исполнили, позаботились о младенце... Да таким созданиям и лучше умереть невинными, чем расти и идти по стопам матерей, ведь от них ничего хорошего и ожидать нельзя.

Кое-какие выражения этой речи, по всей вероятности, вызвали бы неудовольствие у мистера Олверти, если бы он слушал Дебору внимательно, но он вложил в это время палец в ручку малютки, и нежное пожатие, как бы молившее его о помощи, было для него несравненно убедительнее красноречия Деборы, если бы даже она говорила в десять раз красноречивее. Он решительно приказал Деборе взять ребенка к себе на постель и распорядиться, чтобы кто-нибудь из служанок приготовил ему кашку и все прочее, на случай если он проснется. Он велел также, чтобы рано утром для ребенка достали белье поопрятнее и принесли малютку к нему, как только он встанет.

Миссис Вилкинс была так понятлива и относилась с таким уважением к своему хозяину, в доме которого занимала превосходное место, что после его решительных приказаний все ее сомнения мгновенно рассеялись. Она взяла ребенка на руки без всякого видимого отвращения к незаконности его появления на свет и, назвав его премиленьким крошкой, ушла с ним в свою комнату.

А Олверти погрузился в тот сладкий сон, каким способно наслаждаться жаждущее добра сердце, когда оно испытало полное удовлетворение. Такой сон, наверно, приятнее снов, которые бывают после сытного ужина, и я постарался бы расписать его моему читателю обстоятельнее, если бы только знал, какой воздух ему посоветовать для возбуждения названной жажды.

<...>

Книга вторая, заключающая в себе сцены супружеского счастья в разные периоды жизни, а также другие происшествия в продолжение первых двух лет после женитьбы капитана Блайфила на мисс Бриджет Олверти

Глава I, показывающая, какого рода эта история, на что она похожа и на что не похожа

Хотя мы довольно справедливо назвали наше произведение историей, а не жизнеописанием и не апологией чьей-либо жизни, как теперь в обычае, но намерены держаться в нем скорее метода тех писателей, которые занимаются изображением революционных переворотов, чем подражать трудолюбивому плодovитому историку, который для сохранения равномерно-

сти своих выпусков считает себя обязанным истреблять столько же бумаги на подробное описание месяцев и лет, не ознаменованных никакими замечательными событиями, сколько он уделяет ее на те достопримечательные эпохи, когда на подмостках мировой истории разыгрывались величайшие драмы.

Такие исторические исследования очень смахивают на газету, которая – есть ли новости или нет – всегда состоит из одинакового числа слов. Их можно сравнить также с почтовой каретой, которая – полная ли она или пустая – постоянно совершает один и тот же путь. Автор их считает себя обязанным идти в ногу с временем и писать под его диктовку; подобно своему господину – времени, он передвигается с ним по столетиям монашеского тупоумия, когда мир пребывал точно в спячке, столь же неторопливо, как и по блестящей, полной жизни эпохе <...>.

Мы намерены придерживаться на этих страницах противоположного метода. Если встретится какая-нибудь необыкновенная сцена (а мы рассчитываем, что это будет случаться нередко), мы не пожалеем ни трудов, ни бумаги на подробное ее описание читателю; но если целые годы будут проходить, не создавая ничего достойного его внимания, мы не побоимся пустот в нашей истории, но поспешим перейти к материям значительным, оставив такие периоды совершенно неисследованными.

<...>

Пусть же не удивляется читатель, если он найдет в этом произведении и очень короткие, и очень длинные главы – главы, заключающие в себе один только день, и главы, охватывающие целые годы, – если, словом, моя история иногда будет останавливаться, а иногда мчаться вперед. Я не считаю себя обязанным отвечать за это перед каким бы то ни было критическим судилищем: я творец новой области в литературе и, следовательно, волен дать ей какие угодно законы. И читатели, которых я считаю моими подданными, обязаны верить им и повиноваться; а чтобы они делали это весело и охотно, я ручаюсь им, что во всех своих мероприятиях буду считаться главным образом с их довольством и выгодой; ибо я не смотрю на них, подобно тирану, *jure divino*¹⁵, как на своих рабов или свою собственность. Я поставлен над ними только для их блага, я сотворен для них, а не они для меня. И я не сомневаюсь, что, сделав их интерес главной заботой своих сочинений, я встречу у них единодушную поддержку моему достоинству и получу от них все почести, каких заслуживаю или желаю.

Глава II. Библейские тексты, возбраняющие слишком большую благосклонность к незаконным детям, и великое открытие, сделанное миссис Деборой Вилкинс

Через восемь месяцев после отпразднования свадьбы капитана Блайфила и мисс Бриджет Олверти – дамы прекрасной собой, богатой и достойной, миссис Бриджет, по случаю испуга, разрешилась хорошеньким мальчиком. Младенец был, по всей видимости, вполне развит, только повивальная бабка заметила, что он родился на месяц раньше положенного срока.

Хотя рождение наследника у любимой сестры очень порадовало мистера Олверти, однако оно несколько не охладило его привязанности к найденышу, которого он был крестным отцом, которому дал свое имя Томас и которого аккуратно навещал, по крайней мере, раз в день, в его детской.

Он предложил сестре воспитывать ее новорожденного сына вместе с маленьким Томми, на что она согласилась, хотя и с некоторой неохотой; ее готовность угождать брату была поистине велика, и потому она всегда обращалась с найденышем ласковее, чем иные дамы строгих

¹⁵ По божественному праву (лат.).

правил, подчас неспособные проявить доброту к таким детям, которых, несмотря на их невинность, можно по справедливости назвать живыми памятниками невоздержания.

Но капитан не мог так легко примириться с тем, что он осуждал как ошибку со стороны мистера Олверти. Он неоднократно намекал ему, что усыновлять плоды греха – значит потворствовать греху. В подтверждение он приводил много текстов (ибо был начитан в Священном Писании), как, например: «Карает на детях грехи отцов», или: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина», и т. п. Отсюда он доказывал справедливость наказания внебрачных детей за проступок родителей. Он говорил, что хотя закон и не разрешает уничтожать таких детей низкого происхождения, но признает их за ничьих; что церковь рассматривает их как детей, не имеющих родителей; и что в лучшем случае их следует воспитывать для самых низких и презренных должностей в государстве.

Мистер Олверти отвечал на это и на многое, высказанное капитаном по тому же поводу, что, как бы ни были преступны родители, дети их, конечно, невинны; а что касается приведенных текстов, то первый является угрозой, направленной исключительно против евреев за то, что они впали в грех идолопоклонства, покинули и возненавидели своего небесного царя; последний же имеет иносказательный смысл и скорее указывает несомненные и неминуемые последствия греха, чем имеет в виду определенное осуждение его. Но представлять себе, что всемогущий отмщает чьи-либо грехи на невинном, непристойно и даже кощунственно, равно как и представлять его действующим вопреки основам естественной справедливости и вопреки изначальным понятиям о добре и зле, которые сам же он насадил в наших умах, чтобы с их помощью мы судили не только о предметах, данных нам в опыте, но даже об истинах откровения. Он прибавил, что знает многих, разделяющих мнение капитана по этому поводу, но сам он твердо убежден в противном и будет заботиться об этом бедном ребенке совершенно так же, как о законном сыне, которому выпало бы счастье находиться на его месте.

В то время как капитан при всяком случае пускал в ход эти и подобные им доводы с целью охладить к найденышу мистера Олверти, которого он начал ревновать за доброту к нему, миссис Дебора сделала открытие, грозившее гораздо более роковыми последствиями для бедного Томми, чем все рассуждения капитана.

Привело ли добрую женщину к этому открытию ее ненасытное любопытство, или же она сделала его с намерением упрочить благорасположение к себе миссис Блайфил, которая, несмотря на показную заботливость о найденыше, наедине нередко бранила ребенка, а заодно с ним и брата за привязанность к нему, – этого я не берусь решить; только миссис Дебора была теперь совершенно убеждена, что ей удалось обнаружить отца сиротки.

<...>

Книга третья, заключающая в себе достопамятнейшие события, происшедшие в семействе мистера Олверти с момента, когда Томми Джонсу исполнилось четырнадцать лет, и до достижения им девятнадцатилетнего возраста. Из этой книги читатель может выудить кое-какие мысли относительно воспитания детей

Глава II. Герой нашей длинной истории появляется при весьма дурных предзнаменованиях. Коротенький рассказ столь низкого жанра, что иные могут счесть его недостойным внимания. Несколько слов об одном сквайре и более обстоятельные сведения о полевом стороже и учителе

Так как, садясь писать эту историю, мы решили никому не льстить, но направлять свое перо исключительно по указаниям истины, то нам приходится вывести нашего героя на сцену в гораздо более неприглядном виде, чем нам хотелось бы, и честно заявить уже при первом его появлении, что, по единогласному мнению всего семейства мистера Олверти, он был рожден для виселицы.

К сожалению, я должен сказать, что оснований для этого мнения было более чем достаточно; молодчик с самых ранних лет обнаруживал тяготение ко множеству пороков, особенно к тому, который прямее прочих ведет к только что упомянутой, пророчески возведенной ему участи: он уже трижды был уличен в воровстве – именно, в краже фруктов из сада, в похищении утки с фермерского двора и мячика из кармана молодого Блайфила.

Пороки этого юноши представлялись в еще более неблагоприятном свете при сравнении с добродетелями его товарища, молодого Блайфила – мальчика, столь резко отличавшегося от Джонса, что его осыпали похвалами не только родные, но и все соседи. В самом деле, характера паренек был замечательного: рассудительный, скромный и набожный не по летам – качества, стяжавшие ему любовь всех, кто его знал, – тогда как Том Джонс вызывал всеобщую неприязнь, и многие выражали удивление, как это мистер Олверти допускает, чтобы такой озорник воспитывался с его племянником, нравственность которого могла пострадать от дурного примера.

Происшествие, случившееся в это время, представит вдумчивому читателю характеры двух мальчиков гораздо лучше, чем это способно сделать самое длинное рассуждение.

У Тома Джонса, который, как он ни плох, должен служить героем нашей истории, был среди слуг семейства только один приятель; ибо что касается миссис Вилкинс, то она давно уже его покинула и совершенно примирилась со своей госпожой. Приятель этот был полевой сторож, парень без крепких устоев, понятия которого насчет различия между *meum* и *tuum*¹⁶ были немногим тверже, чем понятия самого молодого джентльмена. Поэтому их дружба давала слугам много поводов к саркастическим замечаниям, большая часть которых была уже и раньше, или, по крайней мере, сделалась теперь, пословицами; соль всех их может быть вмещена в краткое латинское изречение: «*Noscitur a socio*», которое, мне кажется, может быть переведено так: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу тебе, кто ты».

Сказать по правде, кое-какие из этих ужасных пороков Джонса, три примера которых мы только что привели, были порождены наущениями приятеля, в двух или трех случаях являвшегося, выражаясь языком юстиции, причастным к делу: вся утка и большая часть яблок пошли на нужды полевого сторожа и его семьи; но так как попался один лишь Джонс, то на долю бедняги досталось не только все наказание, но и весь позор.

¹⁶ Мое и твое (лат.).

Это случилось вот каким образом.

Поместье мистера Олверти примыкало к землям одного из тех джентльменов, которых принято называть покровителями дичи. Люди этой породы так сурово мстят за смерть зайца или куропатки, что можно было подумать, будто они разделяют суеверие индийских банианов¹⁷, часто посвящающих, как нам рассказывают, всю свою жизнь охране и защите какого-нибудь вида животных, – если бы наши английские банианы, охраняя животных от иных врагов, не истребляли их без всякого милосердия целыми стаями сами и не обеляли себя таким образом от всякой прикосновенности к языческим суевериям.

<...>

Юный Джонс отправился однажды с полевым сторожем поохотиться; случилось так, что выводок куропаток, который они вспугнули у границы поместья, врученного Фортуной, во исполнение мудрых целей Природы, одному из таких потребителей дичи, – этот выводок куропаток полетел прямо на его землю и был, как говорится, взят нашими охотниками на прицел в кустах дрока, в двухстах или трехстах шагах за пределами владений мистера Олверти.

Мистер Олверти строжайше запретил полемому сторожу, под страхом увольнения со службы, заниматься браконьерством во владениях соседей, даже менее ревниво оберегающих свои права, чем хозяин названного поместья. По отношению к остальным соседям это приказание не всегда соблюдалось с большой пунктуальностью; но так как нрав джентльмена, у которого куропатки нашли убежище, был хорошо известен, то сторож ни разу еще не покушался вторгнуться в его земли. Не сделал бы он этого и теперь, если бы не уговоры его юного товарища, горевшего желанием преследовать убегающую дичь. Джонс так горячо его упрашивал, что сторож, и сам весьма рьяный охотник, послушался его наконец, проник в соседское поместье и застрелил одну куропатку.

На их беду, в это время недалеко проезжал верхом сам хозяин; услышав выстрел, он немедленно поскакал туда и накрыл бедного Тома; полевой сторож успел шмыгнуть в густые кусты дрока и счастливо укрылся в них.

Обыскав юношу и найдя у него куропатку, джентльмен поклялся жестоко отомстить и довести до сведения мистера Олверти о проступке Тома. Свои слова он сразу же претворил в дело: помчался к дому соседа и принес жалобу на браконьерство в его поместье в таких сильных выражениях и таким озлобленным тоном, точно воры вломились к нему в дом и унесли самое ценное из обстановки. Он прибавил, что Джонс был не один, но ему не удалось поймать его сообщника: сквайр ясно слышал два выстрела, раздавшиеся почти одновременно.

– Мы нашли только одну эту куропатку, – сказал он, – но бог их знает, сколько они надевали вреда.

По возвращении домой Том немедленно был позван к мистеру Олверти. Он признался в преступлении и совершенно правильно сослался в свое оправдание на то обстоятельство, что выводок поднялся с земли мистера Олверти.

Затем Том был подвергнут допросу: кто с ним находился? При чем мистер Олверти объявил о своей твердой решимости дознаться, поставив обвиняемого в известность насчет показаний сквайра и двух его слуг, что они слышали два выстрела; но Том твердо стоял на своем, уверяя, что он был один; впрочем, сказать правду, сначала он немного колебался, что подтвердило бы убеждение мистера Олверти, если бы слова сквайра и его слуг нуждались в каком-либо подтверждении.

¹⁷ *Индийские банианы* – индийские купцы-брамины. Филдинг имеет в виду веру браминов в переселение душ, следствием которой является их бережное отношение к животным и воздержание от мясной пищи.

Затем был призван к допросу полевой сторож, как лицо, на которое падало подозрение; но, полагаясь на данное ему Томом обещание взять все на себя, он решительно заявил, что не был с молодым баринком и даже не видел его сегодня после полудня.

Тогда мистер Олверти обратился к Тому с таким сердитым лицом, какое редко у него бывало, советуя ему сознаться, кто с ним был, ибо он решил непременно это выяснить. Однако юноша упорно отказывался отвечать, и мистер Олверти с гневом прогнал его, сказав, что дает ему время подумать до следующего утра, иначе его подвергнут допросу другие и другим способом.

Бедный Джонс провел очень невеселую ночь, тем более невеселую, что его постоянный компаньон Блайфил был где-то в гостях со своей матерью. Страх грозившего наказания меньше всего мучил его; главной тревогой юноши было, как бы ему не изменила твердость и он не выдал полевого сторожа, который в таком случае был бы неминуемо обречен на гибель. Сторожа тоже было не по себе. Он мучился теми же страхами, что и юноша, также тревожась больше за честь его, чем за кожу.

Утром, явившись к его преподобию мистеру Твакому – особе, которой мистер Олверти поручил обучение обоих мальчиков, – Том услышал от этого джентльмена те же вопросы, какие ему были заданы накануне, и дал на них те же ответы. Следствием этого была жестокая порка, мало чем отличавшаяся от тех пыток, при помощи которых в иных странах исторгаются признания у преступников.

Том выдержал наказание с большой твердостью; и хотя его наставник спрашивал после каждого удара, сознается ли он наконец, мальчик скорее позволил бы содрать с себя кожу, чем согласился бы выдать приятеля или нарушить данное обещание.

Тревога полевого сторожа теперь прошла, и сам мистер Олверти начал проникаться состраданием к Тому; ибо, не говоря уже о том, что мистер Тваком, взбешенный безуспешностью своей попытки заставить мальчика сказать то, чего он от него добивался, поступил с ним гораздо суровее, чем того хотел добрый сквайр, мистер Олверти начал теперь думать, не ошибся ли его сосед, что легко могло случиться с таким крайне запальчивым и раздражительным человеком; а словам слуг, подтверждавшим показание своего господина, он не придавал большой цены. Жестокость и несправедливость были, однако, две такие вещи, сознавать которые в своих поступках мистер Олверти не мог ни одной минуты; он позвал Тома, дружески приласкал его и сказал:

– Я убежден, дитя мое, что мои подозрения были несправедливы, и сожалею, что ты за это так сурово наказан.

Чтобы загладить свою несправедливость, он даже подарил ему лошадку, повторив, что очень опечален случившимся.

Тому стало теперь стыдно своей провинности. Никакая суровость не могла бы довести его до этого состояния; ему легче было вынести удары Твакома, чем великодушные Олверти. Слезы брызнули из глаз его, он упал на колени и воскликнул:

– О, вы слишком, слишком добры ко мне, сэр! Право, я этого не заслуживаю!

И от избытка чувств он в эту минуту чуть было не выдал тайны; но добрый гений сторожа шепнул ему, какие суровые последствия может иметь для бедняги его признание, и эта мысль сомкнула ему уста.

Тваком изо всех сил старался убедить Олверти не жалеть мальчика и не обращаться с ним ласково, говоря, что «он упорствует в неправде», и даже намекнул, что вторичная порка, вероятно, откроет все начистоту.

Однако мистер Олверти решительно отказался дать свое согласие на этот опыт. Он сказал, что мальчик уже довольно наказан за сокрытие истины, даже если он виноват, так как, по видимому, он поступил таким образом только из ложно понятого долга чести.

<...>

Книга четвертая, охватывающая год времени

Глава III, в которой рассказ возвращается вспять, чтобы упомянуть про один ничтожный случай, происшедший несколько лет назад, но, несмотря на всю свою ничтожность, имевший некоторые последствия

Прелестной Софье во время ее выступления в этой повести шел восемнадцатый год. Отец, как уже сказано, души в ней не чаял. К ней-то и обратился Том Джонс с намерением расположить ее в пользу своего приятеля, полевого сторожа. Но, прежде чем рассказывать об этом, необходимо вкратце сообщить некоторые обстоятельства, относящиеся к более раннему времени.

Различие характеров хотя и препятствовало установлению коротких отношений между мистером Олверти и мистером Вестерном, однако они были, как говорится, в приятельских отношениях; вследствие этого молодежь обеих семей была знакома с самого детства и часто устраивала совместные игры.

Веселый характер Тома был Софье больше по душе, чем степенность и рассудительность Блайфила, и она часто оказывала предпочтение приемышу столь явно, что юноше более пылкого темперамента, чем Блайфил, это едва ли пришлось бы по вкусу.

Но так как он ничем не выказывал своего недовольства, то нам неприлично обшаривать укромные уголки его сердца, вроде того как некоторые любители позлословить роются в самых интимных делах своих приятелей и часто суют нос в их шкафы и буфеты только для того, чтобы открыть миру их бедность и скaredность.

Однако люди, считающие, что они дали другим повод к обиде, бывают склонны предполагать, что те действительно обиделись; так и Софья приписала один поступок Блайфила злопамятству, хотя высшая проницательность Твакома и Сквейра усматривала его причину в более благородном побуждении.

Еще в отрочестве Том Джонс подарил Софье птичку, которую сам достал из гнезда, выкормил и научил петь. Софья, которой было тогда лет тринадцать, так привязалась к птичке, что по целым дням кормила ее, ухаживала за ней, и ее любимым удовольствием было играть с ней. Вследствие этого малютка Томми – так звали птичку – настолько приручился, что клевал из рук своей госпожи, садился ей на палец и спокойно забирался на грудь, как будто сознавая свое счастье; но он был привязан ленточкой за ножку, и хозяйка никогда не позволяла ему полетать на свободе.

Однажды, когда мистер Олверти обедал со всей семьей у мистера Вестерна, Блайфил, гуляя в саду с Софьей и видя, с какой любовью ласкает она птичку, попросил позволения взять ее на минуту в руки. Софья тотчас же удовлетворила просьбу молодого человека и с большой осторожностью передала ему своего Томми; но едва тот взял птичку, как в ту же минуту снял ленточку с ноги и подбросил птицу в воздух.

Почувствовав себя на свободе, глупышка мигом забыла все милости Софьи, полетела от нее прочь и села в некотором расстоянии на ветку.

Увидев, что птичка упорхнула, Софья громко вскрикнула, и Том Джонс, находившийся неподалеку, тотчас же бросился к ней на помощь.

Узнав, что случилось, он выбрал Блайфила подлым негодяем, мигом сбросил куртку и полез на дерево доставать птичку. Том почти уже добрался до своего маленького тезки, как свесившийся над каналом сук, на который он влез, обломился, и бедный рыцарь стремглав плюхнулся в воду.

Беспокойство Софьи направилось теперь на другой предмет: испугавшись за жизнь Тома, она вскрикнула вдесятеро громче, чем в первый раз, причем ей изо всех сил начал вторить Блайфил.

Гости, сидевшие в комнате, которая выходила в сад, в сильной тревоге выбежали вон; но когда они приблизились к каналу, к счастью в этом месте довольно мелкому, Том уже благополучно выходил на берег.

Тваком яростно накинулся на бедного Тома, который стоял перед ним промокший и дрожавший, но мистер Олверти попросил его успокоиться и, обратившись к Блайфилу, спросил:

– Скажи, пожалуйста, сынок, что за причина всей этой суматохи?

– Мне очень жаль, дядя, – ответил Блайфил, – что я наделал столько шума: к несчастью, я сам всему причиной. У меня в руках была птичка мисс Софьи; подумав, что бедняжке хочется на волю, я, признаюсь, не мог устоять и предоставил ей то, чего она хотела, так как всегда считал, что большая жестокость – держать кого-нибудь в заточении. Поступать так, по-моему, противно законам природы, согласно которым всякое существо имеет право наслаждаться свободой; и это даже противно христианству, потому что это значит обращаться с другими не так, как мы хотели бы, чтобы обращались с нами. Но если бы я знал, что это так расстроит мисс Софью, то, уверяю вас, я никогда бы этого не сделал; я не сделал бы этого и в том случае, если бы предвидел, что случится с самой птичкой: представьте себе, когда мистер Джонс, взбравшийся за ней на дерево, упал в воду, она вспорхнула и тотчас же попала в лапы негодного ястреба.

Бедняжка Софья, услышав только теперь об участии маленького Томми (беспокойство за Джонса помешало ей заметить случившееся), залилась слезами. Мистер Олверти принялся утешать ее, обещая подарить другую, гораздо лучшую птичку, но она заявила, что другой она ни за что не возьмет. Отец побранил ее, что она так ревет из-за дрянной птички, но не мог удержаться от замечания по адресу Блайфила, что будь он его сын, то получил бы здоровую порку.

<...>

Книга седьмая, охватывающая три дня

Глава II, содержащая разговор мистера Джонса с самим собой

Рано утром Джонс получил свои вещи от мистера Олверти со следующим ответом на свое письмо:

«Сэр!

Дядя поручил мне довести до вашего сведения, что принятые им относительно вас меры были следствием зрелого размышления и не оставляющих сомнения доказательств низости вашего характера, а потому вам нечего и пытаться в чем-нибудь изменить его решение. Он крайне удивлен тем, что вы осмеливаетесь отказываться от всяких притязаний на особу, на которую вы и не могли никогда их иметь, потому что она стоит неизмеримо выше вас по своему происхождению и состоянию. Далее мне поручено сказать вам, что единственное доказательство вашего подчинения воле моего дяди, какого он от вас требует, заключается в том, чтобы вы немедленно покинули наши места. В заключение не могу не преподать вам, как христианин, совета серьезно подумать о перемене вашего образа жизни. О ниспослании же вам свыше помощи для исправления всегда будет молиться ваш покорный слуга

В. Блайфил».

Письмо это возбудило в груди нашего героя самые противоположные чувства; более мягкие одержали в конце концов верх над негодующими и гневными, и поток слез кстати пришел Джонсу на помощь, воспрепятствовал горю свести его с ума или разбить ему сердце.

Однако скоро он устыдился своей слабости и, вскочив с места, воскликнул:

– Хорошо, я дам мистеру Олверти единственное доказательство моего повиновения, которого он требует: я отправлюсь в путь сию же минуту... Но куда? Не знаю. Пусть указывает Фортуна. Раз ни одна душа не обеспокоена участью обездоленного юноши, то и мне все равно, что со мной будет. Неужто мне одному заботиться о том, чего никто другой... Но разве я вправе говорить, что нет другого... другой, которая для меня дороже целого мира?.. Я вправе, я обязан считать, что моя Софья равнодушна к моей участи. Как же мне тогда покинуть моего единственного друга?.. И какого друга! Как же мне не остаться возле нее?.. Но где, как остаться? Можно ли мне надеяться когда-нибудь увидеть ее, – пусть даже она желает этого не меньше меня, – не навлекая на нее гнев отца? И для чего? Мыслимо ли добиваться у любимой женщины согласия на ее собственную гибель? Допустимо ли покупать удовлетворение своей страсти такой ценой? Допустимо ли бродить украдкой, точно вор, вокруг ее дома с подобными намерениями?.. Нет, самая мысль об этом противна, ненавистна мне!.. Прощай, Софья! Прощай, милая, любимая...

Тут избыток чувств зажал ему рот и нашел выход в потоке слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.